Приключения Джейкоба Фейтфула

Автор:
Фредерик Марриет

Приключения Джейкоба Фейтфула

Фредерик Марриет

«Благородный читатель, я родился на воде, но не на лоне соленого гневного океана, а на волнах свежей, быстрой реки. Это событие произошло в легкой барже на реке Темзе при низком стоянии воды. Экипаж баржи состоял из моих родителей и вашего покорного слуги. Мой отец всем управлял один, он был монархом на палубе; матушка, понятно, была королевой, а я предполагаемым наследником.

Раньше чем я заговорю о себе, позвольте мне, как и подобает, описать моих родителей. Прежде всего я набросаю портрет моей королевы-матери. По слухам, она вошла на баржу стройной женщиной, но я помню ее очень тучной. Матушка совсем не любила двигаться, зато ей очень нравился джин. Она редко выходила из каюты и никогда не покидала баржи. Пара башмаков могла свободно служить ей лет пять. К вечеру она всегда лежала в постели – благоразумная предосторожность для человека, который не может твердо стоять на ногах. Джин соблазнил се – она пила. Сначала только для того, чтобы согреваться, так как сырость, поднимавшаяся от окружающей воды, пронизывала до костей. С этой целью мой отец начал курить. Но к тому времени как я родился, он курил, а она пила с утра до позднего вечера; это стало необходимо для их существования. Теперь, достаточно поговорив о моей матери, я перейду к отцу…»

Фредерик (Капитан) Марриет

Приключения Джейкоба Фейтфула

Глава I

Благородный читатель, я родился на воде, но не на лоне соленого гневного океана, а на волнах свежей, быстрой реки. Это событие произошло в легкой барже на реке Темзе при низком стоянии воды. Экипаж баржи состоял из моих родителей и вашего покорного слуги. Мой отец всем управлял один, он был монархом на палубе; матушка, понятно, была королевой, а я предполагаемым наследником.

Раньше чем я заговорю о себе, позвольте мне, как и подобает, описать моих родителей. Прежде всего я набросаю портрет моей королевы-матери. По слухам, она вошла на баржу стройной женщиной, но я помню ее очень тучной. Матушка совсем не любила двигаться, зато ей очень нравился джин. Она редко выходила из каюты и никогда не покидала баржи. Пара башмаков могла свободно служить ей лет пять. К вечеру она всегда лежала в постели – благоразумная предосторожность для человека, который не может твердо стоять на ногах. Джин соблазнил ее – она пила. Сначала только для того, чтобы согреваться, так как сырость, поднимавшаяся от окружающей воды, пронизывала до костей. С этой целью мой отец начал курить. Но к тому времени как я родился, он курил, а она пила с утра до позднего вечера; это стало необходимо для их существования. Теперь, достаточно поговорив о моей матери, я перейду к отцу.

Это был плотный, длиннорукий человек, превосходно приспособленный для своего положения в обществе или, лучше сказать вне общества. Он отлично умел водить баржу, но больше не знал ничего. Управлять баржей его научили еще в детстве. Все его развлечения заключались в трубке, и так как курение располагает к философии, то мой отец скоро сделался настоящим философом. Удивительная вещь: мы вместе с клубами дыма можем отгонять от себя наши заботы и печали, тогда как без табака неприятности продолжают отравлять наше существование.

Мой отец был очень молчалив; у него было несколько любимых фраз, которыми он утешался в каждом несчастии, и так как он редко или, вернее, никогда не тратил много слов, его изречения глубоко врезались в мой детский ум. Он

говаривал: «Нечего плакать: что сделано, того уж не переделаешь». Раз эти слова сходили с его губ, к тому или другому вопросу больше никогда не возвращались. Ничто не волновало его; крики барочников и рабочих с других маленьких барж, барок, судов и лодок всех видов, споривших с нами, не беспокоили его; только лишних два или три клуба дыма выходили из его трубки. К моей матери он обращался лишь с одним выражением: «Прими это спокойно». Но его слова еще больше выводили ее из себя. Когда что-нибудь шло дурно, он часто говаривал: «В следующий раз посчастливится больше». Впоследствии я часто повторял эти афоризмы и таким образом сделался философом раньше, чем у меня проявились зачатки зубов мудрости.

Воспитание моего отца было очень неполно. Он не умел ни читать, ни писать, однако приучил себя к иероглифам, которыми обозначал грузы. «Я не умею ни читать, ни писать, Джейкоб, – говорил он, – и это жаль; но смотри, мальчик, вот мои знаки». Я привык к его точкам и помогал ему разбираться в них, когда он сам путался в иксах и зетах, изображавших ту или другую величину, точно буквы алгебры.

Я сказал, что считался наследником, не утверждая, что был единственным сыном. У матушки в свое время родилось еще двое детей. Но старшая девочка умерла от кори, а мой старший брат упал через борт нашей баржи, когда ему минуло три года. В это время матушка лежала, обессилев от джина, отец же стоял на носу судна и курил.

– Что это? – вскрикнул он, вынув трубку изо рта и прислушиваясь. – Пожалуй, это Джо!

Действительно, всплеск воды был вызван падением Джо. На следующее утро его нигде не нашли. Однако через несколько дней он отыскался, но, как выражаются газеты, «в нем замерла жизненная искра», кроме того, угри и другие рыбы уничтожили большую часть его лица.

Приблизительно через год после гибели брата явился на свет я. Мой отец, в голове которого мерцали слабые понятия о христианстве, совершил обряд крещения, перекрестив мне лоб концом трубки и дав мне имя Джейкоб. Моя мать всего раз в жизни побывала в церкви. Ведь они сходили с баржи только тогда, когда их вызывал на берег инспектор или владелец судна, когда баржа разгружалась или им нужно было закупить необходимые съестные припасы. Я плохо помню свои младенческие годы, но знаю, что наша баржа часто сияла

синей и красной краской, и матушка указывала мне на это, говоря:

– Как красиво!

Я пропущу эти годы я начну с пятилетнего возраста. Может быть, читателю покажется странным, что мои мысли, хотя и очень ограниченные, были определенны; но я говорю правду. Баржа, ее экипаж, ее пристани составляли макрокосм моего младенческого соображения, и потому все эти предметы глубоко запечатлевались в моем уме, и я понимал всю их ценность. До одиннадцати лет, то есть до возраста, в котором я покинул баржу, берега реки составляли границы моих размышлений. Понятно, я знал кое-что о характере деревьев и домов, но, кажется, не понимал, что деревья растут. Они всегда казались мне прежнего роста, а вопросов я не задавал. Лет десяти я знал названия всех приречных пунктов, глубину реки, ее мели, даже изменения в высоте воды. Я мог управлять баржей, когда она плыла вверх вместе с приливом, потому что, если у меня недоставало силы, я заменял ее ловкостью, приобретенной практикой.

Когда мне минуло одиннадцать лет, произошла катастрофа, изменившая всю мою жизнь, а потому я должен еще поговорить об отце и матери. Склонность матери к спиртным напиткам сильно возросла; в то же время возросла и ее тучность. Теперь она представляла собой такую гору мяса, каких я никогда больше и не видывал. Впрочем, мне она не казалась некрасивой: я постепенно привыкал к увеличению ее объема, да и других женщин видал только вдали. За последние два года она редко поднималась с постели и вне каюты оставалась в общей сложности не дольше пяти минут в неделю. Отец раз в месяц выходил на берег на четверть часа для закупки джина, табаку, красных селедок, попорченных корабельных сухарей. Последние составляли мою главную пищу, за исключением тех случаев, когда во время стоянок мне удавалось поймать рыбу, я очень много пил воды из-за соленого вкуса сельдей, а также потому, что матушка, несмотря на свою страсть к спирту, постоянно говорила, что джин вреден маленьким мальчикам. В последние годы отец сильно переменился. Теперь мне одному предоставляли баржу; он поднимался из каюты только желая помочь мне перебросить мостки или вывести баржу из толпы других судов. Чем искуснее делался я, тем бессильнее становился отец; он большую часть времени проводил в каюте, помогая матери осушать глиняную бутылку. Матушка повлияла на него, и теперь они оба вкушали от запретного плода.

Однажды летним вечером мы с угольным грузом плыли вверх по течению; нас нес прилив. Уголь нам предстояло доставить на пристань владельца баржи повыше моста Петни. Поднялся сильный ветер и помешал нашему ходу – нам не удалось в этот вечер дойти до пристани. Мы уже были в полутора милях выше моста, когда нам пришлось бросить якорь. Отец, надеявшийся прийти на место в этот вечер, остался трезв; он подождал, чтобы баржа остановилась, а потом, сказав мне: «Помни, Джейкоб, нам нужно рано утром прийти к пристани, а потому держи ухо востро», – вошел в каюту, предоставив мне палубу и ужин. Я никогда не ел внизу, потому что маленькая каюта казалась мне неприятно тесной. Если не было слишком холодно, я спал или под открытым небом, или в просторной собачьей будке, которую когда-то прежде занимал крупный мастифф[1 - Мастифф – старинная английская порода догообразных собак.]. Но он издох за несколько лет перед тем, был выброшен за борт и, вероятно, превратился во вкусные колбасы по шиллингу за фунт. Я поужинал, запил еду водою, прошел на нос, посмотрел, все ли в порядке, а потом лег на палубу и погрузился в глубокие размышления одиннадцатилетнего мальчика. Я смотрел на звезды, которые слабо сверкали надо мной и, казалось, то совсем потухали, то снова загорались. Я раздумывал, из чего они могли быть сделаны и как попали на небо. Вдруг громкий крик прервал мои размышления и я ощутил сильный запах гари. Крик повторился несколько раз. Едва успел я подняться на ноги, как мой отец выбежал из каюты, прыгнул через борт баржи и исчез под водой. Когда он пробегал мимо меня, я подметил на его лице выражение ужаса и следы опьянения. Я подбежал к той стороне, где он исчез, но увидел только несколько расходившихся кругов; вода быстро проносилась мимо баржи. Несколько секунд я стоял на месте, окаменев от его внезапного исчезновения, но опомнился от дыма, который окружал меня, и от постепенно замиравшего крика моей матери. Я побежал ей на помощь.

Сильный, густой дым выходил из каюты и, благо даря тишине воздуха, поднимался прямым густым столбом. Я попытался сунуться вниз, но, попав в дым, понял, что это невозможно: он задушил бы меня через минуту. Я сделал то, что сделала бы большая часть детей в моем положении: сел и громко заплакал. Минут через десять я отнял руки от лица и заглянул в люк. Дым рассеялся; все смолкло. Я подошел к люку, и хотя запах гари был еще очень силен, я все же смог вынести его, спустился с маленькой лесенки в три ступеньки и позвал «Мама!»; ответа не было. Висевшая на стене лампа не потухла, и я мог осмотреть все уголки каюты. Ничего не горело; даже полог на кровати матери не обуглился. Я стоял изумленный, не дыша от страха, и дрожащим голосом снова закричал: «Мама!» Больше минуты я напрасно старался перевести дыхание, наконец раздвинул занавеси: матери не было на кровати, но посредине

матраца лежала какая-то черная груда. Я со страхом дотронулся до нее: это было что-то вроде маслянистого, смолистого пепла. Я вскрикнул от ужаса, зашатался, бросился из каюты и упал на палубу в состоянии, близком к помешательству: вскоре меня охватил какой-то столбняк, который продолжался много часов.

Может быть, у читателя остались сомнения относительно причины смерти моей матери, а потому должен сказать, что она погибла от того странного, неясного явления, которое, хотя и редко, губит людей, потребляющих большое количество спиртных напитков. Правда, такие случаи повторяются однажды в столетие, однако их подлинность засвидетельствована. Моя мать погибла от того, что называют внезапным воспламенением газов, порожденных алкоголем, который был поглощен организмом. Вероятно, пламя, охватившее мою мать, до безумия испугало отца, который тоже много выпил. Так я потерял обоих моих родителей – одного в воде, другого в огне – и в одно и то же время.

Глава II

Когда я очнулся от моего телесного и умственного остолбенения, было уже совсем светло. Некоторое время мне не удавалось хорошенько вспомнить, что случилось накануне, но тяжесть, которая давила меня, говорила, что произошло что-то роковое. Наконец я увидел открытый люк, и во мне ожили ужасы предыдущего вечера. В ту же минуту я сообразил, что на барже я одинок. В полном отчаянии поднялся я на ноги и огляделся: над рекой висел утренний туман, все предметы на берегу виднелись смутно. Я оледенел, так как всю ночь пролежал в сырости, а еще больше, может быть, от предыдущего страшного волнения. Я не мог спуститься в каюту. Меня ужасало то, что я видел на кровати; между тем я еще не вполне уяснял себе мое несчастье и отдал бы все на свете, чтобы только кто-нибудь рассеял эту тайну. От люка мои глаза перешли на воду; я подумал об отце и более получаса смотрел на струи, бежавшие мимо меня; в моем уме была полная пустота. По мере того как поднималось солнце, туман рассеивался, предметы обрисовывались; мимо проходили лодки, и мало-помалу я начал лучше видеть, слышать и соображать. Я понял, что живу в реальном мире и что мне предстоит выполнить данную мне задачу. Слова моего отца и его наставления всегда служили для меня законом. Накануне он сказал: «Помни,

Джейкоб, завтра рано утром мы должны быть подле пристани», и я решил исполнить его приказание. Поднять якорь я не мог, а потому просто сбросил канат, привязав к его концу веревку от буйка; баржа двинулась вперед под управлением одиннадцатилетнего мальчика. Приблизительно через два часа я был в сотне ярдов от пристани. Я позвал на помощь; двое судовщиков с барж, привязанных к пристани, спустили ялик, подвели его ко мне и спросили, зачем я звал их. Я ответил, что остался один на барже, без якоря и каната, и попросил их причалить мое судно. Они вошли на мою палубу, и через несколько минут баржа стояла подле пристани. Покончив с этим, они опросили, что со мной случилось, но я не мог ответить им: я упал на палубу в припадке отчаяния и рыдал, точно мое сердце разрывалось на части.

Удивленные не только моим поведением, но и тем, что я был один, они вышли на берег, отправились к конторщику и сказали обо мне. Он вернулся вместе с ними, чтобы порасспросить меня, но я не переставал плакать, и мои ответы были непонятны. Конторщик и судовщики спустились в каюту, быстро вернулись на палубу и ушли с баржи. Приблизительно через полчаса меня отвели в дом владельца. Так я в первый раз ступил на твердую землю. В гостиной сидел владелец баржи и завтракал вместе с женой и девятилетней дочерью. Я уже немного овладел собой и, отвечая на вопросы, рассказал всю свою историю, хотя крупные слезы так и текли по моему грязному лицу.

– Как все это странно и как ужасно, – сказала жена владельца, обращаясь к мужу. – Я до сих пор ничего не понимаю.

– Я тоже; однако, но всему, что видел конторщик Джонсон, мальчик говорит правду.

Между тем я осматривал комнату, которая мне представлялась голкондой богатства и роскоши. Чутье подсказывало мне, что в этой столовой были ценные вещи; серебряный чайник, изящный котелок для кипячения воды, ложки, картины в рамах, мебель – все поражало меня, и я на короткое время забыл об отце и матери. Однако мои мысли прервал владелец, который спросил, издалека ли я привел баржу один. Я ответил.

– А у тебя есть друзья, мой бедный мальчик? – задала вопрос его жена.

– Нет.

– Как? У тебя нет на берегу родственников?

– Я никогда и не бывал-то на берегу.

– Значит, ты круглый сирота?

– Что это значит?

– Что у тебя нет ни отца, ни матери, – сказала маленькая девочка.

– Ну, – ответил я обычной фразой моего отца, не найдя ничего более подходящего, – не стоит плакать, случившегося не поправишь.

– Но что ты думаешь делать? – спросил владелец который, услышав мой ответ, пристально посмотрел на меня.

– Не знаю. Я принимаю это спокойно, – возразил я всхлипывая.

– Что за чудной ребенок, – сказала молодая женщина. – Понимает ли он всю глубину своего несчастья?

– Следующий раз посчастливится больше, – ответил я, вытирая глаза обратной стороной руки.

– Что за странные ответы для ребенка, который выказал так много чувства, – заметил владелец, обращаясь к жене. – Как тебя зовут? – спросил он меня.

– Джейкоб Фейтфул.

– Ты умеешь читать и писать?

– Нет, – ответил я опять-таки словами отца. – Нет, не умею. Хотел бы уметь.

– Хорошо, бедный мальчик. Посмотрим, что можно для тебя сделать, – заметил владелец.

– Я знаю, что нужно сделать, – подхватил я, – вы должны послать пару рабочих достать якорь и канат раньше, чем они отвяжутся от буйка.

– Правда, мой мальчик, это нужно сделать немедленно, – сказал он, – но теперь пройди с Сарой в кухню; кухарка позаботится о тебе. Сара, милочка, отведи его вниз в кухню.

Маленькая девочка знаком позвала меня. Я был изумлен длиной и разнообразием «трапных сходов», за которые принял обыкновенную лестницу; наконец мы остановились внизу; тут маленькая Сара попросила кухарку позаботиться обо мне и убежала к матери.

Я нашел, что значение слов «заботиться о ком-нибудь» на берегу сильно отличалось от того смысла, который они имели на реке. Кухарка, добросердечная толстая женщина, которая таяла, слушая печальные рассказы, хотя огонь не имел на нее размягчающего влияния, позаботилась обо мне. Я не только видел, но и пожирал такие вещи, которые раньше никогда не занимали ни моих челюстей, ни моего воображения. Печаль не лишила меня аппетита. Время от времени я переставал жевать, плакал, вытирал глаза и после перерыва снова принимался за еду. Был третий час, когда я отложил нож, чувствуя сильные симптомы удушья и желание поспать; через несколько минут я уже храпел, лежа на двух сдвинутых стульях и закрытый передником кухарки, которая набросила его на меня, чтобы спасти от мух. Так я впервые познакомился с новой для меня стихией – с матушкой-землей.

Может быть, теперь пора рассмотреть капитал, который я принес с собой для нового существования. Я был недурен лицом, хорошо сложен, силен. Что касается до моей одежды, чем меньше говорить о ней, тем лучше. Между прочим, мои брюки сильно порваны сзади, но когда я стоял, этот недостаток скрывался под курткой, сделанной из старого жилета моего отца. Рубашка из грубой шерстяной ткани и меховая фуражка, разорванная, точно шкура кошки, растерзанной на клочья собаками, довершили мой туалет. У меня не было ни башмаков, ни чулок. Мое умственное имущество было немногим богаче: я порядочно знал глубину реки, название мысов и пристаней на Темзе, что не могло пригодиться на суше; знал несколько иероглифов моего отца, которые, как иногда выкликает продавщик с аукциона, «не годились ни для кого, кроме их владельца». Прибавьте еще три любимые изречения моего молчаливого отца, запечатлевшиеся в моей памяти, и у вас получится полный инвентарь всего, чем я владел.

Я перечислил только наследие отца, и читатель предположит, что от матери я не получил ничего. Непосредственно она, действительно, ничего не дала мне, но непрямым путем она доставила мне некоторые средства, именно благодаря своей странной смерти. Кровать с ее останками и даже полог были перенесены на берег и заперты в сарае. Приехал государственный прокурор, собрались судьи, с меня сняли показания. Явились хирурги и аптекари, чтобы высказать свои мнения, и после долгих споров, долгих разногласий был вынесен приговор, что она «умерла волей Божией», другими словами это значило, что «один Бог знает, отчего она умерла», поэтому было решено закрыть дело, и все остались довольны. Однако вести о необыкновенной смерти матушки разошлись повсюду с должными прикрасами, и тысячи народу стали теперь стекаться во двор судовладельца, чтобы видеть результаты внезапного воспламенения. И добрый человек понял, что он может воспользоваться людским любопытством в мою пользу. Тарелка с серебряными и золотыми монетами стояла в ногах матраца моей бедной матери с надписью: «В пользу сироты». Шиллинги, полукроны и даже более крупные монеты падали в нее из рук зрителей, которые с дрожью отворачивались от ужасного образчика последствий вечного опьянения. Выставка продолжалась несколько дней; в это время я помогал кухарке мыть кастрюли, исполнял ее поручения, не предполагая, что моя бедная мать делала – сбор для меня. На одиннадцатый день выставка окончилась, владелец пристани позвал меня к себе, и я застал его с малорослым джентльменом в черном платье. Это был врач, который предложил известную сумму за останки моей матери. Судовладелец хотел отделаться от них таким выгодным образом, однако считал, что он обязан спросить моего согласия.

– Джейкоб, – сказал он, – этот джентльмен предлагает двадцать фунтов (что составляет большую сумму) за прах твоей бедной матери. Ты не имеешь ничего против предложения джентльмена?

– А зачем это вам? – спросил я врача.

– Я сохраню у себя ее останки и буду заботиться о них, – ответил тот.

– Хорошо, – проговорил я после легкого раздумья. – Если вы позаботитесь о старухе, берите ее.

Так окончился торг.

Я получил около сорока семи фунтов, и достойный владелец баржи спрягал их для меня. Когда меня позвали к хозяину, чтобы переговорить с хирургом, я только что снял куртку, чтобы наколоть дров для кухарки; лакей увел меня в комнаты, не дав мне времени снова одеться. Сказав же о своем согласии врачу, я повернулся, чтобы снова идти вниз; в это время маленький спаниель, лежавший на диване, заметил недостаток в моих панталонах, соскочил, подбежал ко мне и стал яростно лаять на меня сзади. Он был воспитан среди приличных, уважаемых людей и никогда не видел такого беспорядка. М-р Драммонд, владелец, заметил недостаток, указанный собакой, и приказал одеть меня как следует. Через двадцать четыре часа портной с помощью моей приятельницы кухарки втряхнул мою особу в новое платье, и теперь меня могли бы всячески поворачивать и вертеть, не нарушая приличий. Обыкновенно новый костюм льстит тщеславию и молодого, и старого человека, но я не испытывал ничего подобного. Новое платье стесняло меня. Мои ноги, никогда не знавшие обуви, болели от башмаков; гарусные чулки раздражали кожу, и так как я привык получать сброшенные моим отцом оболочки, бывшие слишком широкими для меня, мне казалось теперь, будто я невероятно распух, а мое платье уменьшилось до моих размеров. На каждом шагу я чувствовал, что меня как бы останавливают какие-то привязи.

Вскоре я совершенно освоился с кухней и всеми ее принадлежностями, то остальные части дома смущали меня. Все казалось мне чуждым и странным, неестественным. Я не понимал употребления многих вещей, многим предметам не находил названия. Я был буквально дикарем, но тихим, добрым и послушным. На следующий день после того, как я облекся в новый костюм, меня позвали в комнаты. М-р Драммонд и его жена смотрели мое новое одеяние, забавляясь при виде моей неловкости и в то же время любуясь моей хорошо сложенной прямой фигурой. Их маленькая дочка, Сара, подошла к матери и шепнула ей что-то.

– Спроси папу, – был ответ.

Новый шепот, поцелуй, и м-р Драммонд сказал, что я пообедаю с ними. Через несколько минут я очутился в столовой и в первый раз в жизни уселся за стол, который мог похвалиться некоторыми излишествами. Я сидел на стуле, и мои ноги висели почти до ковра; я весь горел, стесненный платьем, новизной моего положения и всего, что меня окружало. М-р Драммонд дал мне горячего супа, в мою руку вложили серебряную ложку, и я стал кружить ею, разглядывая в ней миниатюрное отражение моего лица.

– Джейкоб, ты должен ложкой есть суп, – со смехом сказала маленькая Сара. – Мы скоро кончим. Скорее!

– Надо принимать это спокойно, – ответил я, погрузил ложку в кипящий бульон и вылил его себе в рот. Я обжег горло, суп фонтаном брызнул обратно, а я застонал от боли.

– Бедный мальчик обжегся, – вскрикнула м-с Драммонд, наливая воды в стакан.

– Нечего плакать, – ответил я. – Сделанного не поправишь!

– Бедного мальчика совсем не воспитали, – заметила добрая м-с Драммонд. – Ну, Джейкоб, сядь и попробуй есть. Теперь ты не обожжешься.

– В следующий раз посчастливится больше, – сказал я, проливая часть супа по дороге ко рту. Теперь он остыл, но я медленно справлялся с делом: ложка кривилась у меня в руке, и я испятнал свое платье.

М-с Драммонд ласково показала мне, как нужно действовать ложкой, но ее муж сказал:

– Пусть мальчик ест как умеет, дорогая; только скорее, Джейкоб, мы ждем.

– Незачем терять его по мелочам, – заметил я, – раз можно нагрузить все сразу, в одну минуту.

Я отложил ложку, наклонился, прижался губами к краю тарелки, высосал весь остаток супа, не пролив ни капли, поднял голову, ожидая похвал, и очень изумился, когда м-с Драммонд спокойно заметила:

– Так супа не едят.

Я делал множество промахов во время обеда, и маленькая Сара хохотала не переставая; я чувствовал себя таким жалким, что от души желал снова очутиться в моей собачьей будке на барже, жевать сухари среди полной благородной простоты. Ведь я в первый раз переживал муку унижения! Наконец, когда маленькая Сара расхохоталась особенно громко, мера переполнилась, и я

залился бурными слезами. Я уронил голову на скатерть, не думая больше о приличиях, которые так меня пугали, и сознавал только глубоко оскорбленную гордость; рыдания вырывались из глубины моего сердца. Вдруг я почувствовал на щеке нежное теплое дыхание, застенчиво поднял глаза и увидел подле себя раскрасневшееся красивое личико маленькой Сары. Ее полные слез глаза смотрели на меня так мягко, таким умоляющим взглядом, что я придал себе некоторую ценность и страстно пожелал еще увеличить ее.

– Я не буду больше над тобой смеяться, – сказала она, – а потому не плачь, Джейкоб.

– Не буду, – ответил я, ободряясь. Она все еще стояла подле меня, и я почувствовал глубокую благодарность к ней. – Как только мне попадется хороший обрубок, – шепнул я, – я выдолблю для тебя баржу.

– О, папочка, Джейкоб говорит, что он сделает мне баржу!

– У этого мальчика есть сердце, – заметил Драммонд, обращаясь к жене.

– А будет она плавать, Джейкоб? – спросила Сара. – Да, и если станет кренить, назови меня болваном.

– А что это значит кренить и что такое болван? – спросила Сара.

– Как, ты этого не знаешь? – вскрикнул я, и в ту же минуту ко мне вернулась уверенность в себе от сознания, что в этом случае я знал больше ее.

Глава III

Раньше чем я ушел из комнаты, мы с Сарой погрузились в оживленный разговор; м-р и м-с Драммонд занимались тем же, сидя за столом. Результатом наших совещаний явилась детская близость; результатом разговора старших – мнение, что, чем скорее меня поместят куда-нибудь, тем будет лучше для меня. М-р

Драммонд вел какие-то пела с распорядителями благотворительной «школы милосердия» близ Брентфорда, а потому, раньше чем я окончательно испортил мое платье, проносив его около трех недель, я облекся в новую форменную одежду, в длинную куртку цвета соли, смешанной с перцем, и в желтые панталоны, схваченные у колен; на голову мне надели гарусную шапочку с пучком на верхушке; чулки и башмаки облекли мои ноги; на грудь мне привесили большую оловянную бляху с пометкой: № 63. Так как я был последним из поступивших воспитанников, эта цифра обозначала сумму всех мальчиков училища. Я с печалью покинул дом Драммондов, которые не нашли нужным дождаться окончания изготовления маленькой баржи, к досаде мисс Сары. Не доезжая до школы, мы с м-ром Драммондом встретили воспитанников. Меня сразу поставили в ряды, и я получил несколько добрых советов от достойного покровителя, который после этого ушел в одну сторону, а мы направились в другую. И вот последний отпрыск Фейтфулей был поперчен, посолен, занумерован, и теперь мир мог знать, что он ученик благотворительной школы и что в мире есть благотворительность! Если герои, короли, великие, серьезные люди должны подчиняться судьбе, мальчишки с легких барж не могут надеяться избежать этого; поэтому я был осужден получить образование, содержание, помещение и так далее бесплатно.

В каждом обществе есть глава, и я скоро узнал, что в каждом кружке имеется центр, однако не стоит делать этого сравнения, потому что в нашем круге было два центра или две главы – главный наставник и главная экономка. Один с линейкой, другая со щеткой, и у каждого был свой удел свои помощники. У него имелся помощник-учитель, у нее помощница-служанка. Из этого квартета наставник был не только самым важным членом, но и достоин описания, а потому я буду особенно подробно говорим, о Домине Добиензисе, как он любил, чтобы его называли, или о Докучном Добсе, как любили его называть воспитанники. Считалось необходимым обучать нас пению, письму, арифметике, и попечители возложили обязанности на Домине, находя, что он самый подходящий для этого человек: во-первых, он написал сочинение (которого никто не понимал) о греческих приставках; во-вторых, он был великим математиком, так как будто бы нашел квадратуру круга благодаря алгебраическим методам. Однако он никогда не показывал своего способа. Словом, это был человек, живший в нынешнем веке, но часто уходивший в греческие воспоминания или в алгебру, и раз его увлекала задача или греческие воспоминания, он ничего не видел, не слышал. Мальчики прекрасно знали его особенности и говаривали: «Домине ушел в страну грез и говорит во сне».

Домине Добиензис предоставил обучение грамоте своему помощнику, несмотря на правила школы; сам же старался учить мальчиков математике, латинскому и греческому языкам. Учитель не был силен в грамоте или в арифметике, а мальчики не особенно стремились узнавать предметы преподавания Домине. Главный наставник был слишком умен и учен; его помощник слишком невежествен, поэтому преподавание приносило мало пользы воспитанникам. Домине был серьезен и раздражителен, но любил пошутить и обладал очень добрым сердцем. Черты его лица не умели смеяться, но в горле трепетал смех, смех не громче звуков в дымоходе, и прерывался вдруг. Домине любил игру слов на английском, греческом и латинском языках, и так как никто не понимал шуток, сказанных на двух последних, он один наслаждался ими Добиензис был более шести футов ростом и весь состоял из костей и сухожилий; его продолговатое лицо отличалось крупными чертами; главной из них был нос – крупный, как и все остальные, он, однако, подавлял их. Его был нос изумительный, смешной. Но Домине утешался. Его звали «Назоном». Нос нашего наставника не был им прямо, ни обратно орлиным. Он не расширялся в конце; не был ни толст, ни тяжел, ни раздвоен. В своем величии он казался интеллектуальным, тонкий, хрящеватый, прозрачный и звучный! Когда Домине втягивал ноздрями воздух, это было многозначительно, его чихание служило пророчеством. Даже вид носа наставника производил большое впечатление; когда же Домине сморкался в учебные часы, такой сигнал дышал пугающими предвестиями. Однако ученики любили предупреждения носа Домине: как постукивание сухих позвонков страшной змеи заявляет о ее присутствии, так и нос Домине указывал воспитанникам, что им нужно остерегаться. Обыкновенно Домине оставался в этом мире и исполнял свои обязанности час, часа два, потом забывал об учениках и классе и отправлялся путешествовать в мир греческой грамматики и алгебры. И вот, пока он отмечал «x» и «z» в своих вычислениях, ученики знали, что от него не ждать опасности, и бросали занятия.

Читатель, видали ли вы волшебное действие барабанного боя в маленькой деревне, когда вербовщики, украшенные множеством разноцветных лент, с увлечением барабанят? Происходит всеобщее смятение, поднимается невероятный шум. Так вот, сморкание Домине производило совершенно противоположное действие. Оно служило знаком, что он вернулся в класс из своего мысленного странствования, что он покончил с иксами и зетами и ученикам пора обратить внимание на свои тетрадки. Услышав звук предупреждения, все отправлялись на места, недоеденные яблоки прятались в первый попавшийся карман, духовые ружья исчезали, сражения солдатиков прекращались, раскрывались книги, глаза опускались, фигуры принимали наклонное положение над конторками, воцарялись тишина и порядок. М-р

Кнепс, учитель, – который тоже замечал такие междуцарствия и пользовался ими, чтобы убежав из класса – предупрежденный знакомым звуком, возвращался на кафедру.

– Джейкоб Фейтфул, подойди, – были первые слова, которые я услышал на втрое утро, сидя в самом конце класса. Я поднялся и прошел мимо длинного ряда мальчиков, которые выставляли ноги, чтобы свалить меня, и наконец очутился в трех футах от высокого пюпитра учителя.

– Джейкоб Фейтфул, умеешь ли ты читать?

– Нет, – ответил я. – Хотел бы уметь.

– Хороший ответ, Джейкоб; твое желание исполнится. Знаешь ли ты азбуку?

– А что это такое?

– Значит, не знаешь. Мистер Кнепс научит тебя. Ты пойдешь к мистеру Кнепсу, который сообщает основы. Мальчик с легкой баржи, у тебя славный вид. – И тут я услышал в его груди звук, напоминавший бульканье, которое доносилось до меня, когда моя бедная матушка пила джин из большой бутылки.

– Мой маленький речник, – продолжал он, – ты растение, выброшенное на берег, один из обломков среди волн матушки-Темзы, Eluviorum rex Eridanus[2 - Eluviorum rex Eridanus – царя рек Эридана (лат.); Эридан – в греческой мифологии река, протекающая на крайнем западе; позднее греки отождествляли Эридан с рекой По.]; (буль-буль). Вернемся к твоим занятиям. Будь самим собой, то есть будь верным[3 - Слово «верный» на английском языке звучит «фейтфул», то есть совпадает с фамилией героя.]. Мистер Кнепс обучит тебя грамоте. – Говоря так, Домине запустил руку в правый карман, в который он насыпал нюхательный табак, и, взяв большую щепотку (большая часть которой состояла из волосков и кусочков ваты, скопившихся в углу его кармана), вызвал первый класс, а м-р Кнепс начал со мной первый урок.

М-р Кнепс был худой, с виду чахоточный молодой человек, лет девятнадцати-двадцати, очень маленький, с красными хорьковыми глазами; тем не менее он был очень свиреп. Ему не позволялось колотить учеников в присутствии Домине, зато без него он оказывался тираном. Он обыкновенно выбирал самого шумного

из мальчиков, бросал в него свою линейку и приказывал принести ее обратно; по той или другой причине линейку возвращали. Так м-р Кнепс наказывал мальчиков. Мне немногое остается сказать о Кнепсе, замечу только, что он носил черный широкий плащ и левым рукавом часто вытирал перо, а правым свой влажный нос.

– Что это такое, мальчик? – спросил Кнепс, показывая на букву «А».

Я внимательно посмотрел на нее, и мне показалось, что в незнакомом знаке я узнал один из иероглифов отца, а потому ответил:

– Это половина мешка.

– Половина мешка? Ты больше чем наполовину дурак. Это буква «А».

– Нет, половина мешка; так говорил отец.

– Значит, твой отец был такой же дурак, как ты сам.

– Отец знал, что такое половина мешка, и я также знаю: это половина мешка.

– Говорю тебе, это буква «А», – в бешенстве закричал Кнепс.

– Это половина мешка, – упрямо повторял я, и Кнепс, не смевший наказать меня в присутствии Домине, спустился со своего трона, который возвышался на одну ступеньку, и подвел меня к старшему наставнику.

– Я ничего не могу сделать с этим мальчиком, сэр, – сказал раскрасневшийся, как огонь, учитель. – Он отрицает первую букву азбуки и настаивает, что «А» совсем не буква, а половина мешка.

– Неужели ты в своем невежестве хочешь учить других, когда сам пришел учиться, Джейкоб Фейтфул?

– Отец всегда говорил мне, что такой каракулей обозначают половину мешка.

– Может быть, твой отец употреблял эту букву для обозначения меры, о которой ты говоришь, как в математике я ставлю различные буквы для определения величин известных и неизвестных, но ты должен забыть все, чему учил тебя твой отец, и начать de nuovo[4 - De nuovo – заново (лат.).]. Ты понял?

– Нет, не понял.

– Тогда, маленький Джейкоб, знай, что «А» изображает букву А, и что бы ни сказал тебе мистер Кнепс – верь. Вернись на свое место, Джейкоб, и повинуйся.

Глава IV

Я не расстался с м-ром Кнепсом, пока не просмотрел всей азбуки, потом вернулся на мое место и стал раздумывать о странной сложности форм, составляющих ее. Мне было жарко, и меня стесняли мои башмаки, всегда служившие для меня предметом отвращения, с тех пор как я впервые надел их. Я снял сначала один, потом другой и на время позабыл о них. Между тем мои соседи-ученики толкали их ногами от одного к другому, и таким образом они очутились подле кафедры учителя.

Наконец я стал отыскивать их повсюду и скоро увидел как один из средних мальчиков, сидевших подле Домине поднял мой башмак и тихонько опустил его в карман сюртука наставника, душа и внимание которого отсутствовали. Через несколько времени тот же ученик подошел к м-ру Кнепсу, задал ему какой-то вопрос и, слушая ответ, положил мой второй башмак в его карман, потом вернулся на место. Я ничего не сказал. Наступило время окончания ученья. Домине посмотрел на часы, высморкался, сложил большой носовой платок и торжественно произнес. «Пора порезвиться!» Он ежедневно повторял эту фразу, а потому все понимали ее значение. Воспитанники повскакивали со скамеек, подняли крик, шум. Домине спустился с кафедры, Кнепс тоже, и оба с разных сторон подошли ко мне.

– Джейкоб Фейтфул, почему ты все еще склоняешься над книгой? Разве ты не понял, что пришло время отдыха? Почему не встаешь ты подобно другим? –

спросил Домине.

– Да у меня нет башмаков.

– Где же твои башмаки, Джейкоб?

– Один в вашем кармане, другой, – ответил я, – вот у него.

– Джейкоб, – сказал Домине, – кто же сделал это?

– Большой рыжий мальчик, с лицом в ямках, – ответил я.

– Мистер Кнепс, и с моей и с вашей стороны было бы неуместно, если бы мы пропустили такое неуважение. Позвоните мальчикам.

Мальчики пришли на звон, мне велели указать виновного. Я сделал это, и Домине беспощадно высек его.

Когда наказанный Барнеби Брейсгирдл остался наедине со мной, он сказал, поднося один кулак к моему лицу, а другим потирая себе спину:

– Пойдем-ка на площадку, и ты увидишь, как я отколочу тебя.

– Незачем плакать, – сказал я ласково (я не желал, чтобы его высекли). – Сделанного не поправишь. Тебе было очень больно?

Я говорил в виде утешения; он принял мои слова за сарказм и забушевал.

– Прими это спокойно, – заметил я. Барнеби пришел еще в большую ярость.

– В следующий раз тебе посчастливится больше, – продолжал я, стараясь успокоить его.

Барнеби потряс кулаками и побежал на садовую площадку, приглашая и меня за собой. Его угрозы меня не пугали, и, не желая оставаться в комнатах, я минуты через две вышел за ним.

– Золушка, где твой хрустальный башмачок? – крикнули мне мальчики, как только я вышел.

– Выходи ты, водяная крыса, – закричал Барнеби. – Выходи, сын золы!

– Иди, иди и дерись с ним, не то будешь трусом, – закричали все, начиная с № 1 и до № 62 включительно.

– Его сегодня достаточно били, – ответил я. – И ему лучше не трогать меня: я умею действовать руками.

Образовалось кольцо; в его центре очутились мы с Барнеби. Он сбросил с себя верхнее платье; я сделал то же. Он был гораздо старше и сильнее меня и уже знал, как нужно драться. Один из мальчиков, мой секундант, вышел вперед. Барнеби двинулся мне навстречу, протянул руку, и я сердечно пожал ее, думая, что все кончено, но тотчас же получил два удара по лицу – один справа, другой слева – и отлетел назад. Я ничего не понял и рассердился. У меня были сильные руки, и я пустил их в ход. Размахивая ими, точно мельничными крыльями, и нанося удары, падавшие полукругом, я каждый раз попадал в ухо противника. Он же бил прямыми ударами, и скоро все мое лицо покрылось кровью. Я выбросил руки наудачу – Барнеби ударом свалил меня. Меня подняли; я сел на колено моего секунданта, и тот шепнул: «Принимай это спокойно и бей вернее». Изречение моего отца, повторенное другим мальчиком, поразило меня, и я не забывал его в течение дальнейшего боя и, ко всеобщему удивлению, в конце победил противника. Измученный борьбой, он наконец получил два удара по ушам, зашатался, покачал головой и спросил меня – не довольно ли?

– Не отступай от него, Джейкоб, – сказал мой секундант, – и ты победишь его.

Три или четыре новых удара, направленных туда же, свалили Барнеби. Он без чувств упал на землю.

– Готово, – сказал мой секундант.

– Сделанного не поправишь, – ответил я. – Он умер.

– Что это? – закричал м-р Кнепс, проталкиваясь через толпу. За ним шла и матрона-экономка.

– Барнеби и Золушка сводили счеты, сэр, – сказал один из старших мальчиков.

Экономка подбежала ко мне.

– Хорошо, – сказала она, – если Домине не накажет этого большого малого, посмотрю, значу я что-нибудь или нет! – И она увела меня за руку.

В то же время остальные мальчики по приказанию Кнепса внесли Барнеби в дом и уложили его на постель. Позвали врача; тот нашел необходимым сделать ему кровопускание. Меня он тоже навестил и, когда я разделся, обратил внимание на мои руки.

– С первого взгляда казалось странным, – заметил он, – что этот мальчик так сильно избил своего гораздо более крупного товарища, но у него руки точно молотки. Советую, – обратился он к остальным воспитанникам, – не драться с ним, не то он когда-нибудь убьет одного из вас.

Этой части совета врача мальчики не забыли, и я скоро сделался петухом нашего курятника. Прозвище «Золушка», которое мне дал Барнеби, намекая на смерть моей матери, теперь отпало от меня, и вообще меня перестали преследовать.

Ученье мне тоже давалось, и скоро Домине стал считать меня самым способным мальчиком в школе. Не знаю, благодаря ли природной сметливости или тому, что мой мозг так долго бездействовал, я заучивал почти инстинктивно. Раз прочитав задание, я бросал книгу, так как знал все. Через полгода я понял, что под грубой оболочкой Домине в нем крылась чисто отеческая любовь ко мне. Кажется, на третий день седьмого месяца я доставил ему большое торжество и согрел его сердце. Введя меня в свой маленький кабинет, он вложил мне в руки латинский учебник, и я через четверть часа уже знал «первый урок». Отлично помню, как этот неулыбающийся человек заглянул в мои улыбающиеся глаза, раздвинул каштановые кудри, которые матрона не хотела срезать, и сказал:

– Bene fecisti, Jacob.[5 - Bene fecisti, Jacob – хорошо сделал, Джейкоб (лат.).]

С тех пор часто по окончании урока его глаза обращались ко мне, он откидывался на спинку кресла и просил меня рассказать все, что я помнил о моей прежней жизни, но мои воспоминания составляли только перечень впечатлений и ощущений.

Нечего и говорить, что я любил его, любил от всего сердца и, желая угодить ему, учился с жадностью. Скоро я почувствовал себя значительной величиной, стал горд, однако не сделался тщеславным. Товарищи меня ненавидели, но боялись и моей силы, и моей близости с Домине; тем не менее я переживал горькие минуты. Мы каждый день выходили на прогулку под присмотром м-ра Кнепса, но остальные воспитанники без приказания не соглашались становиться со мной в пару и, когда их принуждали делать это, повиновались очень неохотно. Между тем я ни в чем не был виноват перед ними. Экономка узнала об этом и сказала Домине. Тогда Добиензис стал сам выходить на прогулку вместе с мальчиками и брал меня за руку. Это принесло мне большую пользу, потому что он отвечал на все мои многочисленные вопросы, и я с каждым днем приобретал новые знания. Года через полтора Домине чувствовал себя несчастным без меня, я тоже.

Мальчиков, которые продолжали ненавидеть меня, втайне поддерживал мистер Кнепс, завидовавший расположению ко мне главного наставника. И они вместе задумали погубить меня во мнении Добса. Барнеби отлично рисовал карикатуры, и об этом знали все, кроме Домине. Прежде всего он изобразил мою мать в виде лампы, в резервуар которой лился джин из бутылки, пламя выходило у нее изо рта. Один из воспитанников рассказал мне об этом, но сам я не видал рисунка. Барнеби передал карикатуру Кнепсу; тот похвалил ее и спрятал в свой стол. После этого Брейсгирдл набросал часто повторявшуюся карикатуру на Домине и, показав ее Кнепсу, сказал, что это мое произведение. Тот понял намерение Барнеби и, не говоря ни слова, тоже спрятал рисунок в стол. Барнеби изготовил еще несколько смешных карикатур на Домине и на матрону, и различные мальчики передавали их Кнепсу, говоря, будто их набрасывал мой карандаш. Но этого было недостаточно, они хотели еще яснее доказать мою виновность. Раз вечером я сидел с Домине, занимаясь латынью. Экономка и м-р Кнепс были в соседней комнате. Свеча догорела и потухла. Домине пошел за другой; экономка тоже. Они встретились в темноте и столкнулись головами. О маленьком происшествии знали только м-р Кнепс и я. Учитель сказал об этом Барнеби, прибавив, что я, вероятно, воспользуюсь смешным эпизодом для карикатуры. М-р Кнепс при первом же удобном случае заметил Домине, что у меня большие способности к рисованию, что он сам видел несколько моих рисунков.

– Мальчик талантлив, – ответил Домине. – Он богатый рудник, из которого добудут много драгоценного металла.

– Я слышал, что у тебя есть талант к рисованию, Джейкоб, – дня через два сказал мне Добиензис.

– Не было, сэр, – ответил я.

– Полно, Джейкоб; я люблю скромность, но из скромности не нужно отрицать истины. Запомни это, Джейкоб.

Я не ответил, но в тот же вечер попросил Домине дать мне карандаш для рисования. Через несколько дней я показал ему образчики своих первых опытов.

– Мальчик хорошо рисует, – заметил Домине м-ру Кнепсу, рассматривая мои рисунки через очки.

– Зачем же он говорил, что не умеет рисовать? – спросил Кнепс.

– Он погрешил из скромности или из-за недостатка уверенности в себе, – ответил Добиензис. – Даже добродетель, доведенная до крайности, – заблуждение.

Вскоре Барнеби решил достать книгу Корнелия Непота, по которой я тогда учился; ему помог Кнепс. Он взял ее из кабинета Домине и передал Барнеби, а тот на первом листе с моим именем нарисовал обезображенное лицо Домине и к моей подписи добавил: «Fecit»[6 - Fecit – сделал (лат.).], так что вышло «Джейкоб Фейтфул – fecit». Сделав это, он вырвал листок из книги и передал его Кнепсу. Теперь заговор созрел. Учитель мимоходом сказал Домине, что я рисую карикатуры на товарищей. Домине обвинил меня в этом. Я отнекивался.

– Точно так же ты говорил, что совсем не умеешь рисовать, – заметил Кнепс.

Прошло несколько дней; наконец учитель сказал главному наставнику, что я изобразил в карикатуре его и м-с Бетли – матрону. Это было вечером; я уже лежал в постели. Домине изумился и не поверил. Кнепс объявил, что на следующее утро в классе сам уличит меня, и прибавил, что я хитрый, негодный,

хотя и очень способный мальчик.

Глава V

На следующее утро матрона не пошутила со мной; Домине не заметил моего поклона, но, полагая, что он воспарил к Эвклиду, я не обратил на это внимания. Когда мы, воспитанники, собрались в классе, Домине вошел с торжественным видом, а за ним и Кнепс, который остановился подле кафедры главного наставника. Добиензис развернул свой большой носовой платок, шумно высморкался и сказал:

– Джейкоб Фейтфул, подойди. Я повиновался.

– Мистер Кнепс говорит, что ты рисуешь карикатуры, делая меня смешным в глазах школы, меня, твоего учителя. О Джейкоб, говоря словами Цезаря, скажу: «Et tu, Brute!»[7 - Et tu. Brute! – И ты, Брут! (лат.).] Сознаюсь, я имел право ожидать иного. Ты понимаешь меня, Джейкоб? Виноват ты или нет?

– Не виноват, сэр, – ответил я.

– Он говорит, что не виноват, мистер Кнепс; мистер Кнепс, попробуй подтвердить твое обвинение.

Учитель принес рисунки.

– Вот карикатура, – заметил Кнепс, – которая доказывает, что Джейкоб Фейтфул нарисовал их все. Вы видите, сэр, что все они набросаны одной и той же рукой. Листок, о котором я говорю, в смешном виде изображает вас и миссис Бетли. Кто, кроме Джейкоба Фейтфул а, знал, что в вашем кабинете догорела свеча? Но, сэр, – продолжал он, – имеются еще более убедительные доказательства. Взгляните на картинку, изображающую ваше лицо. Видите подпись, сделанную его собственной рукой? Я тотчас же узнал этот почерк и, проглядев его Корнелия Непота, заметил, что первый белый листок вырван. Вот книга, сэр,

заметьте, как белая страница хорошо прилегает к остаткам бумаги в книге.

– Вижу, и мне очень грустно, – сказал Домине. – Джейкоб Фейтфул, ты уличен в неуважении и лжи. Нужно приступить к наказанию.

– О сэр, неужели вы не позволите мне оправдаться? – ответил я. – Неужели меня высекут, не выслушав меня?

– Это было бы несправедливо, – возразил Домине. – Но как ты можешь защитить себя?

– Позволите ли вы мне взглянуть на карикатуры? – спросил я.

Домине молча передал мне рисунки, и я с первого же взгляда узнал в них карикатуры Барнеби. Ободренный, я смело сказал:

– Это рисунки Барнеби Брейсгирдла, сэр, а не мои. Никогда в жизни не нарисовал я ни одной карикатуры.

– Так точно ты уверял, что и рисовать не можешь, Джейкоб Фейтфул, а потом доказал противное. Но, уверяю тебя, я от всей души желал бы, чтобы ты оказался невиновным.

– Не угодно ли вам спросить мистера Кнепса, кто и когда дал ему рисунки. Их очень много, – сказал я.

– Мистер Кнепс, ответь на вопрос Джейкоба Фейтфула, – предложил Домине.

– В течение последнего месяца мне их в различное время приносили различные мальчики, – был ответ.

По моей просьбе Кнепс указал мальчиков, приносивших карикатуры.

– А Барнеби Брейсгирдл не давал вам ни одного листка, мистер Кнепс? – спросил я, заметив, что он не назвал Барнеби.

– Нет, – ответил Кнепс.

– Относясь с уважением к моему Непоту, я написал свое имя в тот день, когда вы мне дали эту книгу, но слово «fecit» и карикатура на вас начертаны не мной.

– Ты ничего не доказал, Джейкоб, – возразил Домине.

– Нет, кое-что доказал, сэр. Не в субботу ли я просил вас дать мне карандаш для рисования?

– Да, помнится, в прошлую субботу.

– А мистер Кнепс накануне сказал, что я хорошо рисую. Почему же он не показал вам моих карикатур, которые, по его же собственным словам, он собирал в течение целого месяца?

– Ты задаешь хитрые вопросы, – произнес Домине. – Ответь, мистер Кнепс.

– Я хотел добыть больше улик, – ответил Кнепс.

– Ты слышишь, Джейкоб Фейтфул?

– Скажите, пожалуйста, сэр: слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы я без любви и уважения говорил о моей бедной матери?

– Никогда, Джейкоб.

– Теперь, сэр, будьте так добры, вызовите Джона Уильямса.

– Джон Уильямс, номер тридцать семь, подойди.

– Уильямс, – сказал я, – говорил ли он, что Барнеби Брейсгирдл нарисовал мою мать с пламенем надо ртом?

– Да, говорил.

В эту минуту мое негодование выразилось потоком слез.

– Сэр, – вскрикнул я, – если вы думаете, что я мог нарисовать карикатуру на вас и миссис Бетли, скажите, мог ли я сделать вот это? Ведь все карикатуры нарисованы одной рукой.

И я передал Домине карикатуру на мою мать (м-р Кнепс неосторожно принес и ее вместе с остальными). Учитель побледнел как полотно. Домине посмотрел на рисунок и, помолчав, обратился к нему:

– Кто тебе дал этот листок, мистер Кнепс?

– Барнеби Брейсгирдл, – от смущения не придумав ничего, пролепетал Кнепс.

– Ты только что уверял, будто не получал ни одного рисунка от Брейсгирдла. Ты противоречишь себе, мистер Кнепс. Джейкоб не нарисовал своей матери, а карандаш тот же, который набросал все остальное, ergo[8 - Ergo – следовательно (лат.).], он не нарисовал ни одной карикатуры. Благодарю Тебя, Боже, что Ты защитил невинного! А теперь, Барнеби Брейсгирдл, скажи, ты ли дал эту карикатуру мистеру Кнепсу и откуда ты взял ее? Не лги.

Барнеби то краснел, то бледнел, наконец сознался, что он нарисовал ее.

– Вы, мальчики, – крикнул Домине, размахивая розгой, которую он схватил, – вы передали рисунки мистеру Кнепсу, а кто давал их вам?

Испуганные выражением лица Домине воспитанники в один голос ответили:

– Барнеби Брейсгирдл.

– А откуда взял ты их, Барнеби? – спросил наставник.

Барнеби упал на колени и рассказал все в подробностях. Негодованию Домине не было границ. Я никогда не видывал его в таком волнении.

М-р Кнепс был немедленно и с позором изгнан из школы. Барнеби жестоко высекли.

После этого все пошло хорошо. Доброта и внимание Домине ко мне не уменьшались. Я делал большие успехи: победил Вергилия, взял штурмом Тацита и одолел оды Горация, с торжеством прошел десятичные дроби и однажды глубоко погрузился в измерение объемов тел, как вдруг у меня закружилась голова. Я сказал об этом матроне, она, пощупав мне руки, объявила, что у меня жар, и велела мне лечь в постель. На следующее утро я уже не мог подняться, в моей голове как бы каталось раскаленное ядро. Я заболел в первый раз в жизни. Хирург пустил мне кровь и, дав наставления матроне, обещал снова зайти. Через несколько часов я лежал в полном бреду, странные грезы, сцены прошедшей жизни перемешивались с недавними событиями; я видел то Сару, то Домине с огромным носом, то моих родителей. Вдруг все пропало; меня охватило полное оцепенение; я не чувствовал боли, не сознавал ничего. Когда же я очнулся от столбняка и стал понемногу приходить в себя, то смутно различил перед собой что-то, по диагонали перерезавшее поле моего зрения. Когда дымка разошлась, я понял, что это был нос Добиензиса, стоявшего на коленях подле моей кровати; нос касался одеяла, очки Домине потускнели от слез, длинные седые пряди свешивались с обеих сторон его лица и затемняли ему зрение. Я не испугался, но от слабости не мог ни пошевелиться, ни заговорить. Молитвенник был в руке моего наставника, он молился за меня и, думая, что я ничего не ощущаю, продолжал свой монолог.

– Naviculator parvtis paltidis…[9 - Naviculator parvus pallidis – бледный маленький барочник (лат).] Как прекрасен он даже в смерти, этот бедный мальчик с баржи! Он преодолел основу учения, восторжествовал над учебником латыни – неужели чтобы умереть? Как мое сердце болит по тебе! От ледяного дыхания смерти ты поблек, как роза от изморози. Зачем тебя оторвали от твоей стихии? Юный принц потока, господин баржи, Ratis rex et magister![10 - Ratis rex et magister – принц и повелитель судна (лат.).] Да будет тебе легка земля, мальчик с легкой баржи, лотос, водяная лилия, выброшенная на землю, чтобы умереть. Если бы ты остался жив, Джейкоб, я бы перелил в тебя все мои знания, мой Авессалом, сын мой!

Он поднялся; слезы бежали по его длинному носу и капали на мое одеяло, как мелкий дождь. Я не понял всех его слов, но понял, что они дышали любовью, протянул руку и произнес:

– Домине!

Старик увидел мое лицо, поднял глаза к небу и сказал:

– О Боже! Благодарю Тебя; он будет жить. Молчи, молчи, любимый, не болтай.

Я стал быстро поправляться и через три недели снова принялся за занятия. До четырнадцатилетней годовщины моего рождения осталось всего полгода, и м-р Драммонд, иногда справлявшийся о моих успехах, приехал поговорить с Домине о моей будущности.

– Я могу, – сказал мой прежний хозяин, – поместить его учеником на реке Темзе, но не прежде, чем ему минет четырнадцать лет. Может ли он по правилам училища остаться в вашей школе до этих пор?

В течение шести месяцев Домине усердно занимался со мной, и я учился прилежно. Наконец определенный срок прошел, и м-р Драммонд явился за мною. Меня переодели, я покинул дом милосердия и через час был в доме Драммондов.

М-с Драммонд уже знала, что найдет во мне большие перемены, тем не менее изумилась, когда я вошел в комнату со шляпой в руке и поклонился ей. Она протянула мне руку, которую я почтительно взял, и сказала мне «вы». Сара стояла поодаль и с любопытством и удовольствием смотрела на меня; когда я подошел к ней, она застенчиво подала мне ручку. Я расстался с ней, видя в ней существо высшее, теперь же мог смотреть на нее сверху вниз. Не скоро освоилась она со мной и долго продолжала смотреть на меня с уважением и любовью. Я приобрел власть знания.

По правилам компании судовладельцев каждый желающий работать на реке был обязан прослужить учеником от четырнадцати лет до двадцати одного года, во всяком случае, учиться семь лет. М-р Драммонд предложил мне поступить на палубу одной из его легких барж, предоставляя мне право по желанию перейти на другое судно. Я с благодарностью принял его предложение, отправился в контору общества, подписал бумаги и начал службу.

Глава VI

М-р Драммонд познакомил меня с Марблсом, водившим баржу «Полли», и попросил судовщика ласково обращаться со мной. Мой будущий начальник был высок и хорошо сложен, с наклонностью к полноте; у него были красивые черты лица, но глаза небольшие. Его маленький рот улыбался добродушно.

– Никогда в жизни, мастер[11 - Мастер – здесь: хозяин.], я не обращался плохо даже с кошкой, – ответил он м-ру Драммонду.

После первого знакомства Марблс отвел меня на баржу, снабженную мачтой, которую можно было опускать и снова поднимать. На корме помещалась каюта, в носовой части – кухня под палубой. Дверь в каюту оказалась запертой на ключ.

– Ты будешь жить вот тут, – сказал Марблс, указывая на люк спереди, – совсем один. Другой служащий и я спим в каюте.

– Значит, у вас есть еще служащий?

– Да, Джейкоб, – ответил он и про себя пробормотал: – Без него было бы лучше, гораздо лучше. – И он слегка засвистал.

– У вас большая каюта? – спросил я.

– Да, довольно большая, но я не могу показать ее тебе теперь: он ушел и унес ключ.

– Как, ваш помощник унес ключ?

– Да, – быстро ответил Марблс. – Знаешь, Джейкоб, до дня отплытия лучше поживи на берегу.

Я не спорил, но в течение двух недель, оставшихся до отплытия, часто заходил на баржу и вскоре привязался к Марблсу. Он покорил меня своей добротой.

Как-то раз я пришел на баржу довольно рано и увидел дверь каюты открытой; второй ее обладатель расхаживал по палубе вместе с Марблсом. Это был красивый, высокий молодой человек, которому не минуло еще и тридцати лет.

Держался он смело, но это противоречило бегающему взгляду его глаз.

– Вот наш мальчик-ученик, – сказал ему Марблс, и, обращаясь ко мне, прибавил: – Это Флеминг.

– Так, малыш, – сказал Флеминг, окинув меня взглядом. – Значит, поплывешь с нами? Мне кажется, что твое отсутствие было бы приятнее, чем твое общество. Во всяком случае, советую тебе держать язык за зубами. Когда мне кто-нибудь не по душе, я его спускаю в реку, а потому держи ухо востро.

Мне не понравились его слова, и я ответил:

– Я думал, что баржей распоряжается Марблс и что я должен слушаться только его приказаний.

– Да неужели? – произнес он насмешливо. – Вот что, малый, умеешь ли ты плавать?

– Нет, не умею, – ответил я, – хотел бы уметь.

– Так поскорее научись. Думаю, мне придется когда-нибудь схватить тебя за шиворот и отправить по стопам твоего отца.

– Флеминг, Флеминг, спокойнее, – сказал Марблс, который несколько раз дергал его за рукав. Обращаясь ко мне, он прибавил: – Флеминг только шутит.

– Хорошо, – сказал я, оборачиваясь к Флемингу, – если мне суждено упасть через борт, то лучше теперь же объяснить мистеру Драммонду, где он должен отыскивать меня, если я сгину.

– Что за глупости, – сказал Флеминг, меняя тон. – Дай руку, я только хотел попробовать, из какой материи ты сделан.

Тем не менее я решил научиться плавать, в тот же день приступил к делу и вскоре одолел это искусство. Накануне отхода баржи, которая должна была нести вниз реки кирпич, я зашел к моему достойному старому наставнику Домине Добиензису и простился с ним. На прощанье он привел мне множество

исторических примеров того, как люди из народа достигали высокого положения, подарил латинскую библию и благословил меня. Матрона снабдила меня большим ломтем сладкого хлеба.

На следующее утро в шесть часов мы отошли. Стоял прекрасный день, по берегам бежали красивые ландшафты. Марблс поручил мне стать на руль на время их завтрака. Он начал было давать мне наставления, но я прервал их, сказав, что знаю реку не хуже его самого. Я узнавал знакомые предметы и с удовольствием смотрел на них. Но скоро мне стало тяжело; мы приближались к месту гибели моих родителей.

Я провел баржу мимо моста Петни и стал выбираться из мелкого места, когда Марблс и Флеминг вышли на палубу.

– Как! – вскрикнул Марблс. – Мы прошли мост? Почему же ты не позвал нас?

– Я много раз проводил здесь баржу десятилетним ребенком, – ответил я. – Но теперь вода поднимается, вам лучше стать на руль, не то нас нанесет на берег.

– Отлично, – сказал Флеминг. – Я никак не думал, что он будет нам помощником; но тем лучше.

И он зашептал что-то Марблсу. Марблс покачал головой.

– Не нужно этого, Флеминг, не годится.

– Так ты когда-то сказал и про себя, – со смехом возразил Флеминг.

– Сказал, сказал, – ответил Марблс, сжимая кулаки, – но повторяю, не пробуй этого. Скажу больше: ты этого не сделаешь.

– Не сделаю? – высокомерно бросил Флеминг.

– Да, – спокойно ответил Марблс, – я повторяю, не сделаешь! Ну, Джейкоб, передай мне руль, а сам ступай завтракать.

Я уже подошел к двери в каюту, как вдруг Флеминг схватил меня за руку и повернул.

– Вот что, милейший, – сказал он, – пойми, ты никогда не войдешь в эту каюту; пойми также, что, застав тебя в ней днем или ночью, я переломаю тебе все кости; есть ты можешь или в кухне, или на палубе.

Я уже видел, что Флеминг почему-то держал в руках Марблса, тем не менее ответил:

– Если мистер Марблс скажет это, я исполню; он один и распоряжается здесь.

Марблс промолчал, вспыхнул и посмотрел на небо.

– Ты увидишь, – продолжал Флеминг, – что здесь распоряжаюсь я, а потому будь благоразумен; может быть, наступит такое время, когда ты станешь свободно входить и выходить из каюты; это зависит от тебя, когда мы лучше познакомимся…

– Никогда, Флеминг, никогда, – твердо и громко произнес Марблс. – Этого никогда не будет.

Флеминг пробормотал что-то и принес из каюты мой завтрак, который я съел с большим аппетитом. Вскоре Марблс опять передал мне руль, ушел в каюту вместе с Флемингом, и они долго о чем-то говорили там. Близ Милбанка на палубу вышел Марблс, взял руль, приказал мне пройти на нос и приготовить якорь к спуску.

– Приготовить якорь? – спросил я. – Но ведь мы можем идти еще целый час?

– Знаю, Джейкоб, – но сегодня мы дальше не пойдем. Приготовь же все.

Я прошел вперед; мы бросили якорь, и я мысленно сказал себе, что мы поступаем не так, как следует, однако придержал язык. Не знаю, хотел ли Флеминг провести меня, или действительно они повиновались приказаниям Драммонда, но он сказал при мне Марблсу:

– Ты ли выйдешь на берег, чтобы передать письмо конторщику мистера Драммонда, или я пойду?

– Лучше пойди ты, – ответил Марблс.

Они ушли обедать; мою порцию Флеминг принес на палубу. Мне нечего было делать, и я сел читать латинский Новый Завет. За четверть часа до сумерек Флеминг приготовился отправиться на берег, принарядился, надел черный костюм и белый галстук. Марблс вывел вперед маленький ялбот, бывший за кормой, и Флеминг поплыл к берегу.

– Я ничего не понимаю, – заметил я, обращаясь к Марблсу.

– Конечно, – ответил он, – но я могу объяснить тебе все, если ты обещаешь не проговориться.

– Хорошо; только докажите, что все в порядке, – ответил я.

– В порядке ли, Джейкоб, сам суди; но если я докажу тебе, что здесь не делается ничего дурного для хозяина, я думаю, ты сохранишь тайну. Во всяком случае, я не хочу, чтобы ты думал, будто дело хуже, чем оно есть в действительности. Ведь ты же не захочешь повредить мне, Джейкоб?

И Марблс рассказал мне, что в прежние годы Флеминг жил зажиточно и во время долгой и жестокой болезни жены Марблса давал ему деньги, дал и средства на ее похороны, но разорился, наделал долгов и скрылся от суда. Он явился к Марблсу, прося у него помощи, так как на барже никто не стал бы отыскивать его. По словам Марблса, у Флеминга были друзья, и он по ночам навещал их, получая денежную поддержку; в то же время его родственники старались войти в сделку с кредиторами несчастного.

– Видишь, – прибавил Марблс, – мог ли я отказать в помощи человеку, который был так добр ко мне? И разве это вредит мистеру Драммонду? Когда Флеминг не в силах исполнить работы при выгрузке товара, он ставит за себя кого-нибудь другого, и это не приносит убытка мистеру Драммонду.

– Все это, может быть, правда, – ответил я, – только мне совершенно непонятно, почему я не смею входить в каюту и почему он распоряжается здесь, как хозяин?

– Я должен Флемингу и отдаю ему понедельно свою каюту, таким образом уплачивая свой долг. Ты понимаешь теперь?

– Понимаю, – ответил я.

– Ну, Джейкоб, так ты ничего не скажешь об этом никому? Если ты разболтаешь, то только повредишь мне и никому не поможешь.

– Все зависит от обращения Флеминга со мной, – ответил я. – Я не хочу, чтобы он меня бранил; он ничего не делает на барже и, конечно, не останется здесь долго. Я ничего никому не скажу, если только он не станет худо обращаться со мной.

Его объяснение не удовлетворило меня. И я решил наблюдать и, в случае чего-нибудь подозрительного, сообщить обо всем Драммонду. Вскоре Марблс позволил мне уйти спать, сказав, что он сам дождется Флеминга. Я пошел в кухню, но мне казалось, что от меня хотели отделаться, и никак не мог заснуть. Около двух часов утра я слышал плеск весел и, не выходя из своего помещения, стал смотреть в щелку люка. Была лунная ночь. Флеминг бросил веревку Марблсу и поднял из лодки синий мешок. Когда мешок этот упал на палубу, он звякнул. Марблс привязал ялбот и подошел к Флемингу, который поднялся на палубу. Я слышал, как помощник судовщика спросил, лег ли я, и получил утвердительный ответ. Я быстро опустил голову, чтобы меня не заметили, и вернулся в постель. Утром меня разбудил Флеминг, и, выйдя на палубу, я увидел, что более двух часов тому назад якорь подняли и что мы уже миновали все мосты.

– Ну, Джейкоб, здорово ты выспался, – с видимым добродушием сказал Флеминг, – теперь пойди и позавтракай. Закуска уже полчаса ждет тебя.

Судя по тону Флеминга, я угадал, что Марблс передал ему наш разговор; действительно, весь рейс Флеминг обращался со мною очень дружески. Тем не менее запрет входить в каюту не был снят, да я и не пытался нарушить его.

Глава VII

Мы пришли в Мидуэ; я пошел спать, раздевался, но вдруг услышал, что Флеминг вышел на палубу и стал спускать ял. Я выглянул из люка; было очень темно, но я мог видеть, что Марблс передал ему платок и мешок; он отплыл на берег. На рассвете я встретил его.

– Ну, Джейкоб, – сказал он, – поймал ты меня: я был на берегу у своей милой; но вам, мальчишкам, незачем и знать-то о таких вещах. Будь добр, привяжи-ка язык.

Раз мы остановились, чтобы сдать груз. И в ту же ночь я услышал говор. Теперь всякий шум будил меня. Было около двенадцати часов. Выглянув из люка, я увидел, как двое каких-то людей вошли на палубу и отправились в каюту. Пробыв там около десяти минут, они вышли в сопровождении Флеминга и сошли с баржи. После выгрузки товара мы пустились в обратный путь и через три дня снова были подле пристани м-ра Драммонда.

В день нашего возвращения Марблс подошел ко мне и сказал:

– Я открыл тебе, Джейкоб, свою тайну, а потому, надеюсь, ты не погубишь меня, сказав Драммонду что бы то ни было.

Я еще раньше решил ничего не говорить нашему хозяину, пока мои подозрения не подтвердятся, но собирался все рассказать моему другу, старому Домине, и когда свиделся с ним, не утаил от него ничего и попросил у него совета.

– Джейкоб, ты поступил хорошо, – сказал он, – но мог поступить еще лучше: не дай ты обещания, я отвел бы тебя к мистеру Драммонду и заставил бы все сказать ему. Во тьме совершаются только дурные дела! Но ничто не доказано, поэтому, Джейкоб, блюди интересы твоего господина и интересы всего человечества. Может быть, Марблс сказал правду, но все же остерегайся.

Скоро мы снова отошли с грузом кирпича. Марблс и Флеминг обращались со мной хорошо, и помощник даже предложил мне денег, от которых я отказался.

Словом, все было хорошо. Не желая быть слишком многословным, скажу, что в течение нескольких месяцев мы сделали много рейсов. Я все время наблюдал и заметил следующее: в известных пунктах Флеминг по ночам отправлялся на берег с мешком и свертками; возвращался с другими тюками и прятал их в каюту; иногда ночью являлись какие-то люди и запирались с ним в каюте; все это происходило, когда предполагалось, что я сплю. Отплывая на берег, Флеминг всегда запирал каюту на ключ. Марблс казался его игрушкой. Из разговоров, которые теперь велись при мне гораздо свободнее, чем прежде, я понял, что Флеминг и не собирается покинуть баржу. Наконец, я решил предпринять что-нибудь с целью лучше узнать положение дел. Раз ночью я вышел на палубу; мы стояли на якоре, было темно, падал пронизывающий дождь. Вглядываясь, я увидел свет в каюте, услышал голоса Марблса и Флеминга, тихонько подкрался к двери, открывавшейся наружу, и приник к щелке. За маленьким столом, друг против друга, сидели Марблс и Флеминг. Перед ними лежала бумага и они делили деньги. Марблс говорил, что ему дано недостаточно; Флеминг смеялся, замечая, что он не заслужил большего. Боясь, что меня увидят, я тихонько вернулся в кровать и хорошо сделал. Едва моя голова скрылась в люке, как дверь каюты распахнулась и вышел Флеминг. Я вполне убедился, что история, которую Марблс рассказал мне – выдумка, но осмотреть помещение Флеминга мне не удавалось.

Однажды ночью Флеминг опять отправился на берег, а я вышел из моей спальни. На палубе, на водяном бочонке сидел Марблс в позе глубокой задумчивости. Дверь в каюту была закрыта, но там еще горел свет. Видя, что Марблс не двигается, я осторожно подошел к нему: он крепко спал и даже храпел. Я подкрался к двери каюты, она оказалась незапертой. Хотя я не так сильно боялся Марблса, как Флеминга, у меня все же сильно забилось сердце и дрогнула рука, когда я осторожно открывал ее. Но Марблс не пошевелился. Я вошел в каюту и, взяв лампу, осмотрелся. По обеим сторонам помещения стояли две кровати, перед ними два ящика, на которые можно было садиться. Подняв их крышки, я увидел внутри платье. В глубине стояли три шкафа. Я открыл средний, в нем оказались только посуда, ножи и вилки. Шкаф справа был закрыт, но в замке торчал ключ. Я тихонько повернул его, крепкий замок громко щелкнул. Однако Марблс не проснулся. На полках шкафа лежали серебряные ложки, вилки, тарелки, часы, браслеты и всевозможные украшения. Ко всем вещам были привязаны ярлыки с какими-то отметками. Я подошел к третьему шкафу и тоже открыл его. В нем я нашел шелковые платки, кружевные покрывала и другие дорогие материи; на самой нижней полке лежали три пары пистолетов. Осмотрев все, я уже собирался уходить, как вдруг вспомнил, что

забыт замкнуть на замок правый шкаф, и, чтобы мои начальники не поняли, что я побывал в каюте, повернул ключ. Замок щелкнул еще громче. Услышав, что Марблс проснулся, я задул лампу и замер. Барочник прошелся по палубе, посмотрел на дверь каюты и немного приотворил ее. Подумав, что лампа выгорела, он снова закрыл дверь и, к моему ужасу, повернул ключ в замке. Что делать? Я не знал; наконец решил позвать Марблса, так как меньше боялся его, чем Флеминга. Но вдруг мне пришло в голову, что, может быть, Марблс войдет, постарается ощупью найти лампу и зажечь ее, а в это время мне посчастливится в темноте ускользнуть из западни. И эта безумная надежда несколько мгновений заставляла меня молчать. Наконец я решился позвать его и уже подбежал к двери, когда услышал звук весел. Я остановился; ялбот подошел к барже. Раздался стук – это Флеминг вскочил на палубу.

– Скорее, – сказал он Марблсу, стараясь открыть дверь в каюту. – Нельзя терять ни минуты, нужно достать мешки и утопить все. Двое из «них» выследили меня, и все может открыться.

Взяв ключ, он распахнул дверь. (Я поставил лампу на стол). Флеминг сел на ящик и стал ощупью искать ее. Марблс сел на другой ящик. Бежать было невозможно. Флеминг вынул из кармана коробочку с фосфорными спичками, чиркнул одной, каюта осветилась – и свет выдал меня. Спичка выпала из рук Флеминга – в каюте опять воцарилась тьма, но теперь это было бесполезно: они видели меня!

– Джейкоб! – воскликнул Марблс.

– Он не будет болтать, – заговорил Флеминг, зажег другую спичку и засветил лампу. – Ну, – продолжал он с бешенством, – тотчас же вон из каюты.

Флеминг вышел; я за ним, но Марблс вмешался. – Стой, Флеминг, что ты хочешь делать?

– Заставить его молчать – был ответ.

– Но ты же не убьешь его? – крикнул Марблс, дрожа с ног до головы. – Ты не осмелишься сделать это.

– Чего я не могу осмелиться сделать, Марблс? Но говорить незачем: он умрет – я не хочу погибнуть ему в угоду.

– Нет, нет, Флеминг! – закричал Марблс, удерживая меня за руку.

Я противился изо всех сил; тогда Флеминг выхватил пистолет из кармана и ударил его стволом Марблса по голове. Барочник упал без чувств. Отбросив оружие, Флеминг потащил меня к борту. Я был силен, а он еще сильнее. Наконец он кинул меня в темную, быструю воду. На счастье, я выучился плавать; на счастье также, я был почти не одет. Раньше, чем я успел подняться на поверхность, течение унесло меня так далеко от баржи, что Флеминг не мог различить моей фигуры. Тем не менее у меня было мало надежды на спасение в такую темную ночь и на расстоянии четверти мили от берега. Я боролся изо всех сил. Вдруг до меня донесся плеск весел, и я увидел их над своей головой. Я схватился за одно из них и закричал:

– Помогите!

Шлюпка остановилась. Гребец, за весло которого я схватился, вытащил меня, истощенного холодом и борьбой. Меня завернули в теплый плащ, в рот мне влили водки и спросили, откуда я.

– С баржи «Полли», – был мой ответ.

– Ее-то мы и ищем. Куда она идет?

Я рассказал все и прибавил, что человек, по имени Флеминг, бросил меня за борт. Меня вынула из воды команда шестивесельной шлюпки береговой полиции; на руле сидел полицейский офицер.

Через четверть часа мы подошли к «Полли». Офицер и четверо гребцов вскочили на палубу баржи, оставив в шлюпке меня и двоих гребцов. Тем не менее я все видел и слышал. Полицейских встретил Флеминг, за ним виднелся дрожащий Марблс.

– Что это? – закричал Флеминг. – Вы речные пираты и собираетесь грабить нас?

– Не вполне, – ответил офицер. – Но мы явились за вами. Дайте ключ от вашей каюты, – прибавил он.

– Охотно, – ответил Флеминг, – если вы покажете предписание сделать обыск. Но вы не увидите здесь контрабандных спиртных напитков. Марблс, дай им ключ, я вижу, что они члены береговой стражи.

Все время молчавший Марблс передал ключ офицеру. Тот открыл потайной фонарь и вошел в каюту. Но напрасно: он ни с чем вышел на палубу.

– Хорошо, – саркастически сказал Флеминг. – Вы захватили что-нибудь?

– Погодите немного, – ответил офицер. – Сколько вас на барже?

– Сами видите, – произнес Флеминг.

– Да, но с вами был мальчик; где он?

– У нас нет мальчика, – сказал Флеминг, – двоих совершенно довольно для этого судна.

– И все-таки я спрашиваю вас, что сделалось с мальчиком, потому что сегодня днем у вас на палубе был мальчик.

– Если у нас тут и был мальчик, он, вероятно, отправился на берег.

– Ответьте мне на другой вопрос. Кто из вас бросил его в воду?

Флеминг вздрогнул, а Марблс вскрикнул: – Не я. Я спас бы его! О, если бы этот мальчик был здесь, чтобы доказать мои слова!..

– Я здесь, Марблс, – крикнул я, переходя на палубу. – И я говорю, что вы старались спасти меня, пока этот злодей Флеминг не ударил вас по голове; он один бросил меня через борт, чтобы я не рассказал обо всем, что видел в каюте. Я знаю, он велел вам положить вещи в мешки и утопить их.

Завидев меня, Флеминг отвернулся. Его лица я не мог разглядеть… Простояв так минуты две, он вытянул руки, позволив на них надеть наручники. Марблс же кинулся ко мне, обнял меня и сказал:

– Мой чудный, честный мальчик! Слава Богу! Он сказал правду, сэр. Все добро утоплено и на канате привязано к рулю. Слава Богу, Джейкоб, ты жив. Вот, сэр, – продолжал он, протягивая руки. – Я заслуживаю всего. У меня не нашлось достаточно силы духа, чтобы остаться честным.

На руки Марблса тоже надели наручники. Вещи вытащили из воды; мне велели одеться, и когда нас троих доставили в полицейский пост, я тотчас же упал на скамейку и крепко заснул.

Глава VIII

Флеминга и Марблса увели. Печально смотрел я на моего бывшего начальника, который на прощанье сказал мне несколько добрых, ласковых слов.

– Нам придется задержать тебя, мальчик, – заметил один из членов суда, явившихся для следствия, – если достойные люди не поручатся, что ты вовремя явишься в суд.

Я отвечал, что во всем мире знаю только моего хозяина, м-ра Драммонда, и моего школьного учителя, но не могу им дать знать о моем положении.

Тогда чиновник сообщил м-ру Драммонду обо всем происшедшем, и мой добрый покровитель вскоре явился вместе с Домине. Они прочитали мои показания, поручились за меня и уехали вместе со мной. Я пробыл несколько дней на берегу, проводя все время то с Домине, то с Драммондом, где со мной обращались очень хорошо.

Вскоре нашли нового барочника для нашей «Полли», и мне нужно особенно подробно описать его. Он большую часть жизни прослужил на военном судне, участвовал во многих сражениях, во время Трафальгарской битвы потерял обе ноги, за что и получил пенсию от Гринвичского госпиталя. С той поры он постоянно работал на реке. Это был живой, широкоплечий человек, который ходил на коротких деревяшках дюймов[12 - Дюйм – английская мера длины, равная примерно 2,5 сантиметра.] в восемь длиною, а потому казался каким-то

странным карликом. Он вполне заслуженно пользовался прекрасной репутацией, постоянно был весел, любил выпить и вечно пел прекрасным, сильным голосом. У него имелся неистощимый запас песен, но он почти всегда обрывал их на втором-третьем куплете и нередко, судя по обстоятельствам, менял в них слова. С ним был его сын Том, мальчик моих лет, такой же веселый, как отец, обладавший хорошим голосом и большим запасом юмора. Отца звали Том Бизли, но он был больше известен под прозвищем «старый Том».

Скоро мы отошли от пристани. Дул попутный ветер. Старый Том стал на руль, а мы, мальчики, подняли мачту и парус с помощью собаки из породы некрупных ньюфаундлендов, которую Том научил брать в зубы конец каната и тянуть его. В ту же минуту веселый инвалид запел песню о парусах, о свежем ветре, о быстром ходе баржи, пересыпая строфы приказаниями и шутками. Младший Том был так же весел, как и его отец, и они перебрасывались остротами, походя на двоих товарищей. Маленький Том обожал отца, и хотя постоянно шалил и любил выпить спиртного, его нельзя назвать испорченным мальчиком. Невдалеке от Батерси старый Том обратился ко мне.

– Видишь, Джейкоб, маленький дом с двумя трубами? Он принадлежит мне, и там живет моя старуха. Что-то она делает теперь? – Старый Том призадумался, запел подходящую песню, потом, прервав ее, сказал: – Вот что, Том, мальчишка, отвяжи ялик да греби к берегу. Спроси старуху, как она поживает, и скажи, что я здоров и весел.

Через минуту Том младший уже греб к берегу.

– Это напоминает мне, как я вернулся к моей матери после первых трех лет службы на море. Я думал, она умрет от радости! – Тут старый Том замолчал, стер слезу с глаз и прибавил: – Как несчастна была она, бедняжка, когда я снова ушел в море, однако позже привыкла к этому. Знаешь, Джейкоб, Том славный мальчик, но не такой серьезный, как ты. Мать балует его, и я не могу быть с ним строг. Смотри-ка, смотри: старуха машет нам. Жаль, что я не могу отправиться к ней, но мне опасно входить в эти бумажные лодчонки: мои деревянные каблуки непременно пробьют дно!

Глава IX

Том греб обратно; на половине расстояния между берегом и баржей он нагнулся.

– Том, Том! – закричала ему с берега мать. – Не смей, Том.

– Том, Том! – закричал с баржи отец, грозя кулаком. – Не смей, Том!

Но Том был в полной безопасности. Из корзины с провизией, которую мать дала ему для отца, он вынул бутылку и стал пить из нее.

– Довольно, Том! – крикнула она ему с берега.

– Слишком много, мошенник! – крикнул отец с баржи.

Но Том пил, не обращая на них внимания, пока не нашел, что достаточно угостил себя. Наконец он спокойно подвел ялик к барже, передал мне корзину и сверток чистого белья.

Взобравшись на палубу, Том кинулся в главный люк.

– Ты хочешь поговорить со мной, отец? – с улыбкой спросил Том, поглядывая на меня. – В чем дело?

– В чем дело, мошенник? Как ты смел начать бутылку?

– Бутылку? Да бутылка цела.

– Я говорю о виски. Как ты смел пить его?

– Я был между тобой и матушкой, а потому выпил за ваше здоровье. Разве я не почтительный сын?

– Жаль, что у меня нет ног.

– То есть, тебе жаль, что у тебя нет грога? И ты сам во всем виноват. Зачем ты мне не доверяешь? Если бы ты не закрывал шкафа в каюте, я не угощался бы.

В эту минуту Том наклонился, чтобы завязать шнурок одного башмака.

Рассерженный старый Том перегнулся через кирпичи, которые несла баржа, в надежде схватить сына за ворот, но, не заметив беспорядка в сложенном ряде этого товара, завяз своей деревянной ногой между раздвинувшимися кирпичами. Старый Том попробовал освободиться и не мог.

– Том, поди сюда, – закричал он, – вытащи меня!

– Нет, – спокойно ответил младший Том.

– Джейкоб, Джейкоб, поди сюда. Том, беги и стань на руль!

– Нет, – ответил Том.

– Джейкоб, брось руль, баржа будет хорошо дрейфовать несколько минут. Помоги мне.

Но меня забавляла эта сцена, и мне было жаль юного Тома, а потому я объявил, что не могу бросить руля, так как в этом случае баржа села бы на мель…

– Ах ты мошенник. Том! Что же? Прикажешь мне весь день торчать здесь?

– Нет, отец, я думаю, ты не останешься в кирпичах: я помогу тебе. – Ну так за чем же дело стало?

– Мне нужно прежде поставить условия. Неужели ты думаешь, что я помогу тебе задать мне колотушки?

– Я не буду бить тебя, Том. Если я сделаю это, изломай мои деревяшки.

– Ну, отец, я думаю, мы оба поквитались. – То есть как это?

– Да ты сегодня утром закрыл от меня все, а теперь сам попался под затвор. Слушай, если я отворю тюрьму твоей ноги, отворишь ли ты дверцы шкафа?

– Да.

– И ты обещаешь мне дать рюмочку после обеда?

– Да.

Обещание было дано, и юный Том пришел отцу на выручку: сбросив несколько верхних кирпичей, он освободил старого Тома.

Пришло время стать на якорь: прилив шел навстречу. Младший Том, служивший поваром, подал обед. Все были веселы, мы не торопились. Старый Том, по обещанию, поднес своему сыну рюмочку, выпил сам, разболтался, а потом стал петь одну песню за другой. Особенно тронула меня песня о смерти Нельсона. Остаток дня прошел прекрасно.

Поднялась луна, мы снялись с якоря. Старый Том стал на руль, его сын занялся приготовлением ужина, я же был на носу. Была чудная ночь; пройдя под множеством мостов, мы увидели город. Там тысячи газовых фонарей рассеивали нечто вроде сияния над главными улицами, выделяя их из общей темноты. Позади меня звучал приятный голос старого Тома, который в промежутках между куплетами бросал то вопросы, то приказания…

– Джейкоб, смотри вперед; скажи, хорошо ли мы идем, мальчик? Том, что ты приготовил на ужин? Что там шипит у тебя на сковороде? Недурной запах, недурной.

– Да и вкус, я думаю, будет хорош. Но лучше ты, батя, смотри-ка на луну и предоставь мне хозяйничать.

– Хорошо, хорошо, мальчишка, – сказал Том и запел:

Луна взошла; на синем небе

Не видно кружев облаков.

– Как мы идем теперь, Джейкоб?

– Правильно, но на повороте налетит ветер – нам лучше распустить грот.

– Том, пойди помоги ему.

– Не могу бросить дело, отец, не бросил бы его, даже если бы баржа опрокинулась. Уж очень хорошо жарится; и печенка перегорит.

– Брось на палубу сковороду, Том, и помоги Джейкобу. Потом потрясешь снова сковороду.

Скоро мы опять бросили якорь, поужинали и легли спать. Я очень подробно описал первый день моего пребывания на палубе с новыми товарищами в виде примера нашей дальнейшей жизни. Том то шутил, то ссорился с отцом. Один готовил кушанья, другой пел и рассказывал о прежней жизни. Рейс окончился; мы взяли обратный груз и приплыли на пристань судовладельца. Тут я узнал, что мне нельзя отправиться с ними в новое плавание, так как разбор дела Флеминга и Марблса назначили через несколько дней. Баржа «Полли» отошла без меня. М-р Драммонд, по обыкновению, принял меня к себе в дом.

Глава X

Помнится, 7 ноября Флеминга и Марблса призвали в суд. Я вместе с м-ром Драммондом и с Домине явился в мрачное здание в одиннадцатом часу. Судья сел на место, узников тотчас же ввели. Оба были одеты чисто и хорошо. Я заметил мало перемен в наружности Флеминга: он был бледен, но тверд; при взгляде же на Марблса я изумился. М-р Драммонд не сразу узнал его. Он страшно исхудал, платье висело на нем, как мешок, румянец сбежал с его лица, нос заострился. Тем не менее его черты еще сохраняли природное выражение добродушия, и на его губах была кроткая улыбка. Он пугливо окинул глазами залу и, чувствуя свой позор, вспыхнул, потом побледнел как полотно и опустил глаза.

Когда прочитали обвинительный акт, узников спросили: признают ли они себя виновными или нет?

– Не виновен, – смело ответил Флеминг.

– Джон Марблс, вы виновны или нет?

– Виновен, – ответил Марблс. – Виновен, милорд, – и он закрыл лицо руками.

Флеминга обвиняли в покушении на убийство, в хранении краденого добра, в ограблении жилого дома ночью такого-то числа, и я понял, что против него имелось еще около двадцати обвинительных пунктов. Марблса судили за соучастие в укрывательстве краденых вещей. Государственный прокурор заявил, что Флеминг, или Баркет, или Уэн и еще множество «или», долгое время стоял во главе очень известной шайки воров, действовавших в метрополии, что правосудие усердно искало этого преступника, но потеряло его следы. Предполагалось, что он бежал из Соединенного Королевства. Позже, однако, выяснилось, что Флеминг скрылся на барже и усердно работал на ней, в то же время продолжал свою преступную деятельность заодно с прежними помощниками. Разбой и кражи обыкновенно раскрываются благодаря тому, что полиция публикует перечень украденных вещей, и это мешает ворам свободно сбывать их. Скупщики краденого, отлично зная, что воры в их руках, дают им мизерные цены. Во избежание таких-то затруднений Флеминг, скрытый на барже, превратил ее в хранилище украденных вещей. Совершив кражу в одном месте, он продавал краденое в каком-нибудь отдаленном пункте; таким образом его преступления не открывались, и полиция не могла найти его следов. Месяцев двенадцать он успешно вел дело и, по всей вероятности, продолжал бы его, если бы не ссора из-за барышей; двое недовольных членов ассоциации донесли на своего главаря. Но над Флемингом тяготело еще большее обвинение, а именно в покушении на жизнь мальчика, Джейкоба Фейтфула, который служил на барже и, по-видимому, заподозрил его. Этот мальчик был главным свидетелем против обоих обвиняемых; однако относительно Марблса он заявил, что при дальнейшем разбирательстве многие обстоятельства будут говорить в его пользу, и выразил надежду, что его милость лорд судья примет во внимание смягчающие обстоятельства.

Меня вторично вызвали. Выслушивая мои ответы, судья просматривал протокол, очевидно, желая видеть, сходится ли то, что я говорю теперь, с моими прежними показаниями. Я пользовался каждым случаем, чтобы сказать несколько слов в

пользу Марблса. Были вызваны и потерпевшие; многие узнали свою собственность среди груды арестованных вещей. Присяжные вынесли обвинительный приговор и Флемингу, и Марблсу, однако они просили снисхождения для Марблса. Судья встал, надел черную шапочку и сказал узникам:

– Вы, Уильям Флеминг, были судимы судом присяжных за хранение краденого добра и за покушение на убийство; вы признаны виновным после открытого беспристрастного судопроизводства. Но если бы даже вы избежали обвинения в этом случае, другие одинаковые преступления привели бы к строгому приговору. Вы не только сами виновны, но и вовлекали других лиц в преступную деятельность, и завершили ваши позорные деяния покушением на жизнь своего собрата. Вы оскорбили законы вашей родины и, согласно приговору, будете повешены. Пусть Господь в своей безграничной благости сжалится над вашей душой.

– Вы, Джон Марблс, – продолжал судья, – признали себя виновным. Из свидетельских показаний выяснилось, что, будучи виновны в укрывательстве, вы все же не закоренели в преступлении…

– Нет, нет, нет! – вскрикнул Марблс.

– И мне очень жаль, – добавил судья, – что человек, бывший честным, теперь оказался в таком унизительном положении. Тем не менее закон требует наказания; однако в то же время я надеюсь, что воззвание к милосердию нашего государя не окажется тщетным.

Узников увели из залы; начался новый процесс. М-р Драммонд и Домине проводили меня домой. Через неделю Флеминг был наказан; согласно приговору, Марблса осудили на вечную ссылку, однако, раньше чем он отплыл в изгнание, срок ссылки был уменьшен до семи лет.

Через несколько дней вернулась баржа. Я узнал об этом в солнечное утро, лежа в постели. Знакомый голос пел песню:

Светлы лучи и чисто небо.

Сладка роса на нежных лепестках.

– Эй, ты, Том, обезьяна, торопись, – прервав песню, проговорил кто-то.

Я вскочил, распахнул окно, слегка прикрытое изморозью, и увидел баржу, привязанную к пристани, увидел также доброе лицо старого Тома и широкую улыбку Тома младшего, который прыгал и дул себе на пальцы. Через минуту я был одет и пожимал руки моим товарищам по плаванию.

– Ну, Джейкоб, – сказал Том старший, – как тебе понравилось здание суда? Я только раз был там и не собираюсь идти вторично… Тогда судили Сэма Боулса, и без меня он погиб бы. Я тебе расскажу, как было дело. Присмотри-ка за завтраком, Том, в такое холодное утро стоит выпить чашку чая. Ну, марш.

– Да я тоже никогда не слыхал рассказа о Сэме Боулсе, – возразил Том.

– Так что же? Я хочу рассказать Джейкобу.

– Да я-то хочу послушать; итак, начинай, отец. Я помогу тебе. – Видите ли, Сэм Боулс…

– Мастер Том, убирайся и готовь завтрак.

– Нет, не пойду; если я не услышу истории, никто не получит чаю.

– Знаешь, Том, из тебя не выйдет ничего путного, пока тебе не отрежут обеих ног!

– Спасибо, отец, но я нахожу их очень полезными.

– Вот что, – предложил я, – не отложить ли историю до завтрака? Я пойду и помогу Тому приготовив его.

– Будь по-твоему, Джейкоб. Я думаю, нужно уступить Тому. Я сам избаловал его. По моей милости он любит рассказы; значит, я был глуп, что рассердился.

Он запел, потом прибавил:

– Я пойду на берег за приказаниями нашего хозяина. Дай-ка мне палку, мальчик: с дубинкой я увереннее пойду по доскам. Хороший стул должен иметь три ножки, знаете.

Старый Том ушел, скоро вернулся и принес шесть красных селедок.

– Поджарь-ка их, Том, – сказал он. – Джейкоб, что за человека я видел у хозяина? Старик с предлинным водорезом. Мы идем в Ширнес и должны высадить его в Гринвиче.

– Это Домине, – догадался я.

– Его имя начиналось с «д», но его зовут иначе.

– Добс?

– Да, что-то в этом роде; он будет нашим пассажиром, так как отправляется навестить больного друга.

Мы уселись завтракать, и старый Том, закусив, начал историю Сэма Боулса:

«Сэм Боулс, мой товарищ по палубе китобойного бота „Гренландец“, считался одним из наших лучших гарпунщиков. Такой спокойный, добрый, честный товарищ. У него была жена – красивый кусок мяса, но совсем не хорошая. Раз, когда мы собрались в новое плавание, она несколько недель прожила на палубе, потому что Сэм так и прилип к ней. В ожидании отплытия мы набирали экипаж – каждый день приходили новые матросы. Раз утром явился высокий, красивый малый и предложил свои услуги. Шкипер взял его. Я сошел в каюту; там был Сэм с женой. Я заметил, что к нам поступил замечательно красивый малый. Жена Сэма, которая, как все женщины, была немного любопытна, выглянула из люка, но скоро опустила голову, под каким-то предлогом прошла на нос, постояла там и, вернувшись, объявила, что пойдет на берег. Раньше было решено, что она останется на палубе до отплытия „Гренландца“. Сэм удивился и осердился; но она, к досаде Сэма, ушла. Вечером Боулс тоже пошел на берег, отыскал ее, и знаете ли, что сказала ему эта маленькая Изабелла? Она стала уверять мужа, что один из матросов обошелся с ней дерзко и что поэтому она не хочет больше оставаться на судне. Сэм разозлился и пожелал узнать, кто ее обидел, но она ласкалась к нему, наконец умаслила и отослала обратно. Так-то. Мы простояли

еще три дня и отошли в Гринвич, где должны были взять капитана и отплыть в море, если ветер окажется благоприятным. Красивый высокий малый был с нами. Раз, когда Сэм сидел на своем ящике, хлебая суп, тот вынул очень красивый табачный кисет, сделанный из части брюшка тюленя, с белой, покрытой пятнышками шерстью.

– Товарищ, – крикнул Сэм. – Дай-ка мне мой кисет. Где ты его взял?

– Твой кисет? – ответил тот. – Я сам убил этого тюленя, и жена сшила для меня мешок.

– Вот хорошо-то! Ты можешь до смерти довести человека. Том, – обратился он ко мне, – разве это не тот кисет, который жена подарила мне, когда я пришел с последнего рейса?

Я осмотрел мешок и сказал, что это кисет Сэма. Высокий малый заспорил; началась дьявольская ссора. Сэм назвал его вором, а он бросил Сэма в главный люк. Завязалась настоящая драка. Новый матрос избил Сэма, тот должен был сдаться. После драки я принес Сэму рубашку.

– Это моя рубашка, – закричал высокий.

– Нет, это рубашка Сэма, – ответил я, – я отлично знаю ее.

– Говорю тебе – моя, – повторил матрос. – Жена дала мне ее. Вот вторая сорочка не моя.

Мы посмотрели на другую рубашку. Обе принадлежали Сэму. Услышав это, Сэм почувствовал тревогу и ревность. Ему казалось странным, что его жена захотела непременно уйти с судна, когда на его палубу пришел этот красавец; дело же с кисетом и рубашкой совсем изумило его. Жена Сэма обещалась приехать в Гринвич и повидаться с ним. Когда мы бросили якорь, многие из матросов отправились на берег, в том числе и высокий малый. Сэм, голова которого раздулась, как тыква, попросил одного из товарищей передать его жене, что он не может выйти на берег, и попросить ее прийти к нему. Ну, это было около девяти часов; стоял темный вечер; звезды так и мерцали. Сэм сказал мне: «Том, выйдем на берег, в темноте никто не увидит моих подбитых глаз». К трапу подвели ялбот, и второй помощник велел Сэму взять с собой железный гарпун и

попросил расширить в нем отверстие для веревки. Понятно, Сэм прежде всего пожелал посетить дом, в котором всегда останавливалась его жена. Он поднялся по лестнице в ее комнату, я шел за ним. Дверь была закрыта, и вот мы увидели, что этот дьяволенок, его жена, обнимается с высоким малым. Сэм не мог сдержать ярости и страшно ударил красавца гарпуном. Тот упал весь в крови. Жена Сэма кричала и рыдала над убитым; это еще больше рассердило его. Он убил бы и ее, но на шум сбежался народ. Пришли констебли, Сэма посадили в тюрьму; я вернулся на борт и рассказал все. Мы уже собирались отойти, так как капитан нанял двоих матросов взамен Сэма и того бедного малого, которого он убил. В последнюю минуту за мной пришел какой-то законник. Меня увели на берег, держали взаперти и хорошо кормили. Начался суд. Беднягу Сэма обвинили в убийстве. Джентльмен в черном балахоне и парике начал рассказ, говоря, что убитый малый, по имени Уиль Эроль, сидел со своей собственной женой, а Сэм бросился на него и убил гарпуном.

– Это ложь! – вскрикнул Сэм. – Он обнимал мою жену.

– Милорд, – сказал прокурор, – с убитым была его собственная жена, и вот брачное свидетельство.

– Поддельная бумага! – проговорил Сэм. – Вот мои документы, – и он вытащил из-за пазухи оловянный ящичек с бумагами.

Тогда судья сказал, что Сэм должен придержать язык; суд продолжался и сперва все шло по их. Потом наступила наша очередь. Вызвали меня; я рассказал все, что знал; сравнили бумаги. Оказалось, что маленькая Изабелла обвенчалась с обоими, но за Сэма она вышла замуж раньше. Итак, судья объявил, что она была женой Сэма и что всякий муж, даже не имевший в руках гарпуна мог быть оправдан в подобном случае. Сэма отпустили на свободу, а его жену задержали, так как она вызвала убийство своим дурным поведением. Ее отослали за море. С тех пор Сэм никогда не поднимал головы; его тяготила мысль, что он убил невинного, и угнетало воспоминание об ужасных поступках жены. Он отправился на промысел, и кит ударом хвоста разбил его лодку надвое; оглушенный ударом Сэм как камень пошел ко дну».

– Это хороший рассказ, отец, – сказал Том. – Прав я был, что мне хотелось услышать его.

– Нет, – ответил старый Том, протягивая руку и хватая сына за шиворот, – и раз уж ты мне напомнил, я сведу с тобой старые счеты.

– Господь с тобой, отец. Ты же мне ничего не должен! – сказал Том.

– Должен, и теперь ты получишь все сполна.

– О Боже, они утонут! – пронзительно крикнул Том, с ужасом вскинув обе руки.

Старый Том быстро обернулся, чтобы посмотреть по указанному направлению, и выпустил его воротник. Том убежал и разразился хохотом. Засмеялся и я, и его отец.

На берегу я убедился, что Том сказал правду: с Драммондом завтракал Домине. Он поручил мальчиков новому учителю, и попечители позволили ему отправиться в Гринвич к старому другу. Во избежание издержек, а также ради любопытства, старик решил сделаться пассажиром на нашей барже.

– Еще никогда, Джейкоб, – сказал он, – не ступала моя нога на что-либо плавающее. Я бы и теперь не сделал этого, но такой способ передвижения сохраняет деньги, которых, как ты знаешь, у меня немного. Мистер Драммонд уверяет меня, что баржа прочна и вынесет удары противных ветров и волн. Полагаясь на Провидение, я пущусь в плавание под твоим руководством, Джейкоб.

– Нет, сэр, – сказал я со смехом при мысли о тех опасностях, которые в уме Домине связывались с речным плаванием. – Dux[13 - Dux – руководитель (лат.).] – старый Том.

Глава XI

Старый Домине серьезно попрощался с семьей м-ра Драммонда и с трепетом шел по мостику на баржу; казалось, он был уверен, что его ждут величайшие

опасности.

– Вот и старый Том, сэр, – сказал я, обращаясь к Домине, когда нам навстречу вышел барочник. Добиензис с удивлением взглянул на него и сказал мне:

– Ты не предупредил меня, что он укорочен!

Я познакомил моего старого наставника с младшим Томом, который начал выкидывать свои смешные штуки и заинтересовал его шутливо-остроумными вопросами, и, наконец, с нашим водолазом Томми. Три Тома понравились ему. Вообще, все интересовало Домине: реки, баржи и лодки, скользившие во всех направлениях. Он долго смотрел на речные картины и любовался ими; потом вдруг погрузился в размышления, улетел из жизни. Младший Том в припадке шалости схватил полу сюртука Домине и показал ее Томми. Собака, привыкшая хватать канат по его знаку, тотчас же взяла в зубы фалду и три раза отчаянно дернула за нее. Домине не обратил на это внимания, только рассеянно отмахнулся рукой, точно желая безмолвно сказать: «Оставьте меня, я занят».

– Тащи, тащи, – кричал Том ньюфаундленду, держась за бока от хохота. Томми сделал отчаянную попытку и унес одну полу сюртука Домине; Добиензис все-таки не заметил этого. Собака убежала на нос; Том младший кинулся за нею, чтобы отнять оторванную полу. В это время старик пел песню, полную патриотизма и чувства, и Домине мало-помалу очнулся. Когда Том старший окончил пение, Добс вскрикнул от восторга:

– Меня восхитила эта песня! Только подумать, что ее пел безногий!

– Ах, добрый джентльмен, ведь я не ногами пою, – ответил старший Том.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Мастифф – старинная английская порода догообразных собак.

2

Eluviorum rex Eridanus – царя рек Эридана (лат.); Эридан – в греческой мифологии река, протекающая на крайнем западе; позднее греки отождествляли Эридан с рекой По.

3

Слово «верный» на английском языке звучит «фейтфул», то есть совпадает с фамилией героя.

4

De nuovo – заново (лат.).

5

Bene fecisti, Jacob – хорошо сделал, Джейкоб (лат.).

6

Fecit – сделал (лат.).

7

Et tu. Brute! – И ты, Брут! (лат.).

8

Ergo – следовательно (лат.).

9

Naviculator parvus pallidis – бледный маленький барочник (лат).

10

Ratis rex et magister – принц и повелитель судна (лат.).

11

Мастер – здесь: хозяин.

12

Дюйм – английская мера длины, равная примерно 2,5 сантиметра.

13

Dux – руководитель (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/frederik-marriet/priklyucheniya-dzheykoba-feytfula

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити